

МАНГО

18+

АЛЕКС НЬЮМАН

Алекс Ньюман

МАНГО

<https://litres.ru/74413453>

SelfPub; 2026

Аннотация

Море вернуло Лее ключ от сгоревшего дома — и украло её покой. Год назад её жених Даниэль погиб в авиакатастрофе; сегодня, на ночном маскараде, её жизнь пересекают двое мужчин — расчётливый и опасный Адриан и человек, чьё лицо слишком похоже на лицо погибшего. Формула, которую запрещено записывать на бумаге, тайна стареющего сенатора Вельта и наследство, за которым охотятся сильные мира сего, втягивают Лею в игру, где нельзя доверять даже собственной памяти. Чем ближе она подбирается к правде о гибели Даниэля, тем яснее понимает: у этой любви не два исхода, а один — и он может стоять жизни всем троим.

Содержание

Глава 1. Ключ от дома	4
Глава 2. Человек, который не тонул	14
Глава 3. Автомобиль без тормозов	29
Глава 4. До того как море вернуло ключ	33
Глава 5. Рынок украденных имён	37
Глава 6. Дом, который забрали приставы	50
Глава 7. Мастерская чужих лиц	60
Глава 8. Соль на его коже	66
Глава 9. Троллейбус до Праги	76
Глава 10. Ночной поезд без билетов	86
Глава 11. Платье цвета желания	97
Глава 12. Кофе из одной чашки	107
Глава 13. Вилла человека без возраста	117
Глава 14. Закрытая баня	124
Глава 15. Первая любовь Даниэля	131
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Алекс Ньюман

МАНГО

Глава 1. Ключ от дома

В тот день море вернуло ей ключ.

Лея бросила его далеко, со всей силой, какая ещё оставалась в руке после месяцев вежливых соболезнований, адвокатских папок и ночей, пахнущих холодной половиной постели. Маленький серебряный ключ блеснул над водой, поймал животом солнце и исчез. Волна вздохнула, словно приняла её решение, а через минуту выкатила ключ обратно и положила у носка её туфли — мокрый, тёмный, упрямый.

— Даже море считает, что я слишком быстро сдаюсь, — сказала Лея.

Ветер полез под тонкое чёрное платье — солёный, вечерний, пахнущий выброшенными на берег водорослями. Лея прижала ткань к коленям и отступила от воды.

Ключ был от дома, которого больше не существовало. Дом стоял над бухтой, белый, самоуверенный, с окнами в пол и кофейным пятном на подлокотнике дивана. Даниэль обещал, что однажды они выключат телефоны, заведут рыжего кота и будут пить кофе из одной чашки. Потом дом сгорел. Потом исчез самолёт. Потом исчез Даниэль. От него оста-

лись часы без стрелки, обручальное кольцо, найденное среди обломков, и официальное слово «погиб», которое никто не решался произнести при ней первым. Этого слова Лее хватило на несколько месяцев. Сегодня — нет.

Лея подняла ключ.

На набережной зажглись фонари. Город готовился к Празднику безымянных: раз в году здесь надевали маски, закрывали лавки и до полуночи позволяли себе быть теми, кем не хватало смелости стать при дневном свете. Музыка стекала по переулкам, как тёмное шампанское. Над бухтой небо наливалось той предзакатной медью, в которой, если верить старым морякам, боги когда-то писали свои приговоры, а люди — только истории о любви и утрате. Женщины в алых и золотых платьях кружились под балконами; мужчины прятали честные и бесчестные лица под одинаковыми масками.

Лея не собиралась идти на праздник. Но возвращаться в отель, где на соседней подушке лежала книга, чтобы постель не выглядела такой пустой, хотелось ещё меньше.

У входа на площадь девочка протянула ей маску из чёрного шёлка.

— Я не танцую.

— Сегодня танцуют даже мёртвые, — серьёзно сказала девочка.

Лея дала ей купюру и надела маску.

Через несколько минут кто-то коснулся её сумки. Не толк-

нул, не дёрнул — лишь провёл пальцами по застёжке с интимной уверенностью мужчины, который знает: женщина заметит прикосновение, но не сразу поймёт его смысл.

Лея обернулась. Рядом стоял человек в белой маске. Он улыбнулся ей одними губами, а его рука уже исчезла в толпе вместе с её телефоном.

— Простите, — произнёс незнакомый голос за её плечом. — Но если вы сейчас закричите, нам обоим придётся очень быстро бежать.

— Нам?

Мужчина в тёмной маске взял её за талию и вывел в центр танцующих.

— Вы всегда хватаетесь за незнакомых женщин?

— Только когда незнакомые мужчины уже добрались до их телефонов.

Он повёл её в танце. Уверенно, легко, чуть насмешливо. Лея попыталась вырваться, но увидела белую маску. Вор не убегал. Он стоял возле арки вместе с ещё одним мужчиной и смотрел прямо на неё.

— Это не воры, — сказал незнакомец. — В сумке осталась серьга дороже их автомобиля.

— Кто вы?

— Сейчас — ваш дурной выбор.

Он повернул её так резко, что площадь разлетелась золотыми полосами. Лея упёрлась ладонью в его грудь, чтобы не упасть. Под тонкой рубашкой сердце билось ровно. Слиш-

ком ровно. Страх от этого только вырос; вместе с ним шевельнулось желание, за которое Лея тут же разозлилась на себя.

— Улыбнитесь, — попросил он.

— Я вас ненавижу.

— Уже чувство. На первое знакомство вполне достаточно.

Она не улыбнулась. Попыталась вырваться — и увидела, зачем он держал её так крепко: от арки к ним через толпу метнулся второй мужчина, не тот, что забрал телефон, рука уже тянулась к её сумке. Незнакомец вклинился плечом между Леей и чужой рукой и на развороте танца увёл её в сторону. Всё заняло меньше секунды. Никто вокруг не обернулся.

— Он бы её не отпустил, — сказала Лея, когда снова могла говорить.

— Знаю. Поэтому я стоял там, где стоял, а не там, где удобнее вам было бы на меня злиться.

Она не улыбнулась ему. Но перестала вырываться, и в этой перемене было больше правды, чем в любой улыбке.

Он прижал её ближе, развернул спиной к арке и повёл сквозь толпу. Музыка ускорилась. Чужие плечи закрыли их. Они оказались у кухни ресторана, пролетели между поварами, пахнущими чесноком и вином, спустились в погреб и выбрались через узкое окно в переулок.

— Туфли снимайте.

— Это приказ?

— Мольба человека, который не хочет нести вас на руках раньше третьего свидания.

Лея сняла туфли и побежала. Камни были тёплыми, дождь — внезапным. Он рухнул с неба целым морем, смысл музыки, прилип к её ресницам и нарисовал платье прямо на теле. Незнакомец перелез через низкую стену, протянул руку. Она хотела отказаться, но за поворотом появились белые маски.

Его ладонь сомкнулась на её запястье. Секунда — и Лея оказалась наверху, прижатая к нему животом, мокрая, испуганная, неприлично живая. Он пах дождём, кожей и чем-то горьким, похожим на дым старого камина.

Они поднялись по пожарной лестнице на крышу. Внизу праздник продолжал кружиться, не замечая погони. Над ними молнии разрезали небо, как любовные письма, которые разгневанный бог рвал, но не мог выбросить.

— Телефон, — сказала Лея.

Незнакомец достал его из кармана.

— Вы украли его у вора?

— Я предпочитаю слово «вернул».

Экран был разбит. На нём светилось последнее сообщение, отправленное с номера Даниэля через семь месяцев после его смерти.

«НЕ ОТДАВАЙ ИМ КЛЮЧ».

Лея перестала чувствовать дождь.

— Вы знали?

Мужчина посмотрел на серебряный ключ в её руке. Весё-

лость исчезла из его лица, хотя маска всё ещё скрывала глаза.

— Я знал, что за вами придут.

— Кто?

— Люди, которые уже однажды забрали у вас всё.

Если бы в ту минуту кто-то шепнул ей, сколько имён спрячется за одной снятой маской, она рассмеялась бы недоверчиво. Но судьба редко утруждает себя предупреждениями — она предпочитает бить в колокол уже после того, как решение принято.

Часы на башне начали бить полночь. Незнакомец снял маску.

Ему было не больше тридцати семи. Тёмные волосы намокли и легли на лоб, у виска серебрилась ранняя прядь. Лицо было красивым не правильностью, а жизнью: тонкая линия шрама возле губ, упрямый подбородок, глаза цвета моря перед бурей. Но в этих молодых глазах стояла такая старая усталость, что Лее захотелось прикоснуться к нему и одновременно отступить.

— Адриан Рейн, — сказал он. — И если хотите дожить до рассвета, Лея, вам придётся мне поверить.

— Вы знаете моё имя.

— Я знаю гораздо больше.

Снизу хлопнула дверь. На лестнице появились шаги.

Адриан протянул ей руку.

Лея посмотрела на неё. Потом на сообщение мёртвого мужа. Потом вложила свои пальцы в ладонь незнакомца.

И впервые после смерти Даниэля выбрала не прошлое.

Он не отпустил её руку до самого переуллка, где дождь наконец стихал до мороси.

— Дом ещё стоит? — спросила Лея.

— Стоит. Кредиторы продали его через месяц после катастрофы. Но налог за него до сих пор платит счёт, к которому у меня нет доступа.

— Значит, кто-то хочет, чтобы дом оставался цел.

— Или чтобы вы однажды в него вернулись.

— Отвезите меня.

Адриан не спорил — только посмотрел на неё дольше, чем требовал простой ответ, будто заново решал, стоит ли ей доверять то, что она уже решила сама.

Машина ждала за углом, слишком неприметная для мужчины, который час назад двигался в чужой маске так, будто родился с ней на лице. Всю дорогу вдоль побережья Лея молчала, прижимая мокрый ключ к ладони так, что металл нагрелся почти до тепла живой кожи. За окном чёрной лентой тянулось море — то самое, что час назад само вернуло ей этот ключ, а теперь молчало, как свидетель, ещё не решивший, стоит ли говорить. Адриан не включал радио. Он смотрел на дорогу так, как смотрят на минное поле, которое уже однажды переходили.

Ворота открылись без единого щелчка электричества — Лея помнила код, вбитый пальцем, который сейчас дрожал сильнее, чем от дождя. За воротами дом стоял тёмным си-

луэтом на фоне ещё более тёмного моря, и в этой темноте было что-то от зверя, притворяющегося спящим.

Внутри пахло пылью, солью и — едва уловимо, предательски — свежим кофе.

На кухне, на месте, где всегда стояли две толстостенные чашки, купленные в первый совместный отпуск, теперь стояла одна. Дно было ещё влажным.

— Кто-то был здесь, — прошептала Лея. — Недавно.

Адриан уже держал руку под пиджаком, но не доставал оружия — только слушал дом, как слушают дыхание спящего, чтобы понять, спит ли он на деле.

На дверце холодильника, под магнитом в форме ракушки, держался листок. Знакомый косой почерк, буква «Д» с завитком, который Даниэль так и не смог выправить со школы. «Молоко. Корм коту (пока условно). Манго. Батарейки для фонаря».

Дата в углу — три недели после того дня, когда ей вручили урну и соболезнования.

У Леи подогнулись колени. Адриан подхватил её локоть прежде, чем она осела на стол, и в этом жесте не было ни капли той театральной галантности, с которой он вёл её в танце час назад — только быстрая, злая точность человека, опоздавшего куда-то на три недели и знающего цену этому опозданию.

— Он был жив, — сказала Лея. — Он писал списки покупок. Он собирался кормить кота, которого у нас никогда

не было.

— Значит, я ошибся в сроках, — тихо сказал Адриан, и впервые за вечер в его голосе не было насмешки — только что-то похожее на вину.

Наверху скрипнула половица.

Адриан толкнул её за угол буфета одним движением, без слов. На лестнице появилась тень — мужчина в тёмной куртке, с капюшоном, надвинутым по самые брови, замер на секунду, увидел их и метнулся к балконной двери.

Лея побежала за ним раньше, чем успела подумать, что это неразумно. Мужчина перемахнул через перила, спрыгнул в сад, покатился по мокрой траве и растворился в темноте между олеандрами — там, где ограда была ниже всего.

— Оставьте, — сказал Адриан за её спиной. — Он бежал не от нас. Он бежал от того, что мы найдём.

В комнате, где мужчина стоял до их прихода, на полу лежали три предмета, будто их бросили в спешке, не успев забрать: медицинский браслет с гравировкой — имя Даниэля и код клиники, которого Лея никогда не слышала; пустая ампула с золотистым осадком на стекле; и фотография, на сгибе которой сохранился отпечаток чужого пальца — мужчина с ранней сединой у виска, тот самый, что час назад снял маску на крыше и назвался Адрианом Рейном.

Адриан не отвёл взгляд.

— Дом никогда не был вашим убежищем, Лея. Он был окном. Кто-то смотрел в него годами — и, кажется, только

сегодня вы посмотрели в ответ.

Лея сжала браслет в кулаке так, что гравировка впечата-лась в кожу: имя Даниэля, код клиники, которого она нико-гда не слышала. Металл был тёплым — не от её руки.

Кто-то держал его здесь ещё сегодня. Время в этом доме, кажется, не умело забывать: оно хранило чужое присутствие так же надёжно, как море хранит соль в высохшем на солнце платье.

Глава 2. Человек, который не тонул

Лодка была слишком маленькой для шторма и слишком быстрой для здравого смысла.

Адриан столкнул её на воду за секунду до того, как в переулке показались люди в белых масках, и запрыгнул следом, уже заводя мотор. Нос ударился о волну, солёные брызги хлестнули по лицу — море не спрашивало, кто здесь прав, оно просто забирало прежнюю жизнь Леи вместе с мокрыми огнями города, уносившимися назад.

— Куда мы плывём? — крикнула Лея.

— Туда, где нас пока не хотят убить.

— Очень романтичное место!

Он рассмеялся. Ветер сорвал смех с губ и бросил ей в лицо вместе с солёными брызгами.

Лея сидела на дне лодки, обхватив колени. Чёрное платье облепило тело, волосы били по щекам. В другой жизни она потребовала бы полотенце, водителя и объяснений. Сейчас у неё были разбитый телефон, ключ от сгоревшего дома и мужчина, который управлял лодкой так, будто договорился с морем заранее.

Слева появился катер без огней.

— Они нас догоняют.

— Я заметил.

— И что вы собираетесь делать?

— Разочаровать их.

Адриан направил лодку прямо к чёрным скалам. Лея вцепилась в борт.

— Там камни!

— Наконец-то вы начали мне доверять.

— Я начала готовиться к смерти!

— Очень похожие чувства.

В последний момент он свернул в узкую расселину. Волна подняла лодку, протащила между скалами и швырнула в тихую лагуну. Преследователи проскочили мимо, но не ушли — с берега донёсся звук второго мотора, объезжающего мыс.

— Они высадятся раньше нас, — сказал Адриан. — Бегите к скалам, когда я скажу.

Он заглушил двигатель и подвёл лодку к самому берегу, под нависающие камни. Луч фонаря скользнул по воде в паре метров от них. Адриан закрыл ладонью её рот — не грубо, спрашивая взглядом разрешения быть настолько близко, — и держал так, пока катер не прошёл мимо. Как только луч ушёл, он убрал руку сам, раньше, чем она успела бы отстраниться.

— Простите, — сказал он тихо. — Другого способа не было.

На острове стояла заброшенная оранжерея. Стёкла провалились, деревья проросли сквозь пол, белые цветы свисали со ржавых балок. Адриан разжёл горелку и сварил кофе в

помятой металлической кружке.

Лея попробовала и поморщилась.

— Этим можно снимать краску.

— В сорок седьмом мы пили хуже.

Он замолчал.

— В каком сорок седьмом?

— В номере сорок семь. Отель в Марселе.

Ответ прозвучал слишком быстро. Лея посмотрела внимательнее, но он уже снимал мокрую рубашку, чтобы выжать её.

На груди у него были шрамы. Один шёл под ребром, другой, круглый и белый, лежал над сердцем, словно кто-то однажды прижал к коже раскалённую монету. Тело оставалось молодым и сильным, но шрамы принадлежали человеку, прожившему несколько жизней.

— Откуда вы знали проход между скал?

— Работал здесь. Давно. На тех же людей, что сейчас за вами охотятся.

— На фонд?

— На то, чем фонд был раньше, чем он себе позволил стать. — Он не отвёл взгляд, но и не продолжил. — Это не короткая история, Лея. И не сегодняшняя.

Она хотела надавить, но замёрзшие руки не слушались, а он уже протягивал ей край сухого брезента вместо ответа.

— У вас есть сухое одеяло? — спросила она.

— Есть моя рубашка.

— Она мокрая.

— Но производит впечатление.

Лея засмеялась. Смех вырвался неожиданно и тут же испугал её. Семь месяцев она берегла скорбь, как последнюю верность мужу. Не покупала ярких платьев. Не слушала музыку. Не позволяла мужчинам задерживать на ней взгляд. А сейчас сидела почти раздетая напротив незнакомца и смеялась над его глупостью.

Слёзы появились так же внезапно.

— Простите.

Адриан не подошёл. Не стал утешать чужими правильными словами. Просто сел напротив, на расстоянии вытянутой руки, и положил между ними свою ладонь — не на неё, рядом.

— Не за что.

— Я смеюсь, а он...

— Мёртвые не требуют от нас молчания, Лея. Это живые придумали, чтобы горе выглядело прилично.

— Вы знали моего мужа?

— Видел однажды.

— Где?

Он достал из внутреннего кармана мокрой куртки тонкую фотографию — вид сверху на лабораторный корпус за высоким забором — и положил на камень между ними, не приближаясь.

— Там, куда вам пока нельзя.

Она ударила его. Ладонь сама взлетела и обожгла его щеку.

Адриан даже не отвернулся.

— Не смейте решать, куда мне можно.

— Хорошо.

— И не смейте говорить загадками.

— Люди, преследовавшие вас, работают на фонд «Элизим». Ваш муж обнаружил, что фонд покупал через его компании медицинское оборудование для закрытой клиники — вот этой. — Он тронул край фотографии, снова не касаясь её руки. — После его исчезновения часть акций перешла попечителям. Сегодня они искали ключ.

— От чего он?

— Не от дома.

Адриан взял ключ — спросив взглядом разрешения, и только после того, как она сама протянула ладонь, — и повернул его боком. На стержне едва заметно блестела стеклянная вставка.

— Носитель данных. Даниэль спрятал что-то внутри единственной вещи, которую вы не позволили бы забрать.

— Дом сгорел.

— Потому что они искали его.

Лея прижала ключ к груди — маленький холодный кусочек металла, в котором, оказывается, помещался целый человек. Стало трудно дышать, будто вместе с ключом ей вернули часть лёгких, отобранную семь месяцев назад.

— Даниэль жив?

Адриан долго молчал.

— Я не знаю.

— Вы всегда так объясняетесь с женщинами — под обстрелом и с фотографией чужой лаборатории вместо визитки?

— Только с теми, кто после этого не убегает.

— Я вас ударила.

— Значит, вы уже не боитесь. Это больше, чем я рассчитывал на первую ночь.

Ночью холод добрался до них. Они легли по разные стороны старого пледа, и между телами оставалось ровно столько пространства, сколько Адриан сам себе назначил, — он придвинул к её краю запасной свитер вместо того, чтобы придвинуться сам.

Во сне Лея потянулась к теплу и проснулась, прижавшись спиной к его плечу. Он лежал неподвижно, отвернувшись. Она могла отодвинуться. Не отодвинулась. Утром это будет труднее объяснить, чем сейчас — сделать.

— Простите, — прошептала она, отодвигаясь.

— Не за что извиняться за сон, Лея.

Он не воспользовался ни этой минутой, ни следующей. Именно поэтому, когда рассвет добрался до оранжереи, она впервые за ночь не отодвинулась сама.

* * *

Шторм не отпускал остров ещё двое суток.

Лея ходила по оранжерее босиком, завернувшись в рубашку Адриана. Ткань пахла им, дымом горелки и морем. Она злилась на этот запах за то, что он становился знакомым быстрее, чем имел право.

Адриан чинил лодку. Его руки двигались уверенно, но слишком бережно обращались со старыми винтами, будто он помнил мастера, который их сделал.

— Почему ты всё умеешь?

— Потому что долго живу один.

Она приняла это за метафору.

Днём они нашли дом смотрителя: две комнаты, гамак и шкаф с одеждой. Лея надела мужские шорты, закатала пояс и вышла с видом женщины, которой принадлежит остров.

— Не смотри.

— Уже поздно.

— Тогда хотя бы стыдись.

— Я пытался. Не подошло.

Они собирали дождевую воду, ловили рыбу, спорили, кто хуже готовит. Адриан сжёг ужин, Лея уронила тарелку в песок, и они ели манго руками. Сок стекал по её запястью. Он поймал каплю пальцем, поднёс к губам — и остановился, словно понял, что это прикосновение опаснее погони.

— Что?

— Ничего.

— Ты смотришь так, будто собираешься меня поцеловать.

— Я собираюсь проявить редкое благоразумие.

— Неудачно получается.

Он ушёл к морю.

Ночью Лея проснулась от кошмара. Даниэль стоял за стеклом горящего дома и не слышал, как она зовёт. Она закричала. Адриан оказался рядом, обнял, но не говорил, что всё хорошо.

— Не отпускай, — попросила она прежде, чем успела стать гордой.

Он лёг поверх пледа, оставив между ними одежду и осторожность. Лея прижалась лбом к его груди. Сердце стучало спокойно. От него пахло солью, тёплой кожей и манго, которое он весь вечер притворялся, что не любит.

— Расскажи что-нибудь настоящее, — сказала она.

— О себе?

— Нет. Ты всё равно соврёшь.

Он рассказал о городе, где зимой замерзали каналы, о женщине, танцевавшей на столе во время бомбёжки, о первом автомобиле, который ехал медленнее лошади. Говорил так, словно видел всё сам.

Лея слушала, пока сон не закрыл ей глаза. Уже проваливаясь, почувствовала поцелуй у волос — такой лёгкий, что утром могла бы решить, будто приснился.

К полудню солнце растопило остатки шторма. Оранжевая зеленела после дождя: листья блестели, капли падали с них тяжёлыми бусинами, белые цветы отдавали в воздух сладость, от которой кружилась голова.

Лея нашла старый велосипед. Цепь скрипела, одно колесо смотрело в сторону, но она всё равно поехала по дорожке вокруг острова. Адриан догнал пешком и ухватился за багажник.

— Отпусти!

— Там обрыв.

— Тем более отпусти. Я хочу хотя бы раз сама выбрать, куда упасть.

Он разжал пальцы. Велосипед понёс её вниз. Ветер забрался под рубашку, волосы ударили по губам, дорога прыгала под колесом. Лея смеялась и кричала одновременно. У самого края она нажала тормоз — тот не сработал.

Адриан настиг её в три шага, схватил за талию и вместе с ней рухнул в траву. Велосипед перелетел через низкую стену и исчез в кустах.

Лея лежала на нём, слышала его тяжёлое дыхание, чувствовала ладони под рубашкой. Страх ещё бегал по телу мелкими молниями, но рядом уже поднималось другое чувство — горячее, стыдное, слишком живое.

— Ты мог сказать, что тормоз сломан.

— Я сказал про обрыв.

— Это не одно и то же.

— Для людей, которые не слушают, почти одно.

— Почему ты не поцелуешь меня?

— Потому что сейчас ты благодарна, что не разбилась.

— Какая самоуверенность.

— Какая редкая честность.

Он поднял её и первым ушёл к дому.

Лея смотрела ему вслед. Он напугал её и не дал назвать испуг желанием. Почти оскорбление. Она всё-таки пошла за ним.

Проснулась Лея от запаха хлеба. Не кофе, не духов, не стерильной гостиничной белизны — тёплого хлеба, который кто-то разломил руками. Запах вошёл в сон, где Даниэль стоял на балконе с мокрыми волосами, и раздвинул его, как занавеску.

Адриан сидел на ступенях дома зрителя. На коленях лежала карта, возле босой ноги — нож, а в руках был круглый каравай. Он отрывал корку, макал в оливковое масло и смотрел на море с видом короля, которому досталось очень маленькое, но бесспорное государство.

— Ты всегда завтракаешь рядом с оружием?

— Нет. Иногда я ужинаю рядом с ним.

Он протянул хлеб. Лея хотела отказаться, но желудок предал достоинство. Корка хрустнула, масло пахло травой и солнцем. Несколько секунд она ела слишком жадно, потом заметила его взгляд.

— Что?

— Ничего. Просто живые люди обычно хотят есть. Это хороший признак.

Лея положила хлеб.

— Не наблюдай за мной как врач.

— Я давно не врач.

— Но был?

Адриан свернул карту. Вопрос закрыл его лицо быстрее, чем облако закрывает воду.

— Люди в белых масках придут сюда к полудню. Нам надо перебраться через хребет к старой радиостанции. Оттуда я свяжусь с человеком, который сможет прочитать ключ.

— И снова никаких имён.

— Имя иногда единственное, что выдаёт человека после смерти.

— Удобно. Можно всю жизнь не отвечать.

Они вышли, когда солнце ещё лежало низко. Тропа шла через сосновый лес, потом поднялась к выжженным скалам. Лея несла рюкзак и туфли; чужие шорты спадали, рубашка прилипала к спине. Адриан двигался легко, но каждые несколько минут останавливался и вслушивался.

— Тебе действительно тридцать семь? — спросила она.

Он не обернулся.

— Утром обычно меньше.

— Ты сказал про сорок седьмой. И у тебя шрамы, которые не похожи на приключения богатого мальчика.

— Богатые мальчики тоже иногда получают пули.

— А потом становятся врачами, перестают быть врачами и крадут вдов на праздниках?

— Только по четвергам.

Лея уже хотела рассмеяться, когда он резко толкнул её на

землю. Над головой прошла очередь. Сосновая кора взорвалась сухими рыжими брызгами. Адриан потащил её за камень и вытащил из-за голенища сапога пистолет, который прятал от неё все эти два дня, — единственное, о чём не сказал правды за всё время на острове.

— Сколько их?

— Трое. Возможно, четверо.

— И что делать мне?

Он сунул ей складной нож.

— Если увидишь кого-то, кто не я, — беги в другую сторону.

— Прекрасная военная подготовка.

Адриан исчез между деревьями. Лея осталась одна. Страх сначала заледенил ноги, потом обжёг. Она слышала шаги и увидела белую маску между ветвей. Мужчина шёл прямо к ней.

Бежать было некуда. Лея схватила горсть мелкой земли и, когда он наклонился, бросила в прорези маски. Наёмник выругался. Она ударила его камнем по запястью, выскользнула и побежала вниз, царапая ладони о кусты. Он догнал у обрыва и схватил за волосы.

Лея развернулась и вонзила нож ему в бедро.

Крик потряс воздух. Она отшатнулась, глядя на кровь, и в этот момент Адриан ударил мужчину рукоятью. Тот упал.

— Ты ранена?

— Это я его...

— Смотри на меня. Ты ранена?

— Нет.

Адриан обнял её. Не нежно — крепко, почти больно, собирая дрожащее тело вокруг позвоночника. Лея уткнулась в его шею. Она пахла потом, дымом и жизнью.

— Я не такая, — прошептала она.

— Какая?

— Я не втыкаю ножи в людей.

— Сегодня воткнула, чтобы остаться живой. Завтра снова можешь быть женщиной, которая спорит из-за кофе.

На радиостанции они нашли старый передатчик и аптечку. Адриан промыл её ссадины. Его пальцы были уверенными и неожиданно ласковыми. Лея смотрела, как молодые руки делают движения, отточенные тысячами чужих ран, и понимала: его тайна не живёт в паспорте. Она живёт в привычках.

Вечером связь заработала. На экране появилось лицо женщины с серебряными волосами.

Увидев Адриана, она сказала:

— Ты опять выбрал красивую катастрофу.

— Серафина, прочитай ключ.

Женщина посмотрела на Лею.

— Она знает, сколько тебе лет?

Связь оборвалась прежде, чем Адриан успел выключить её сам.

Они укрылись в рыбацком сарае. Адриан развёл огонь в

жестяной бочке, Лея сушила у огня рубашку и шорты смотрящего, завернувшись в старую сеть, пахнущую морем и серебряной чешуёй.

— Даниэль жив? — спросила она в десятый раз.

— Был жив три недели назад.

— Где?

— В передвижной лаборатории. Его состояние специально ухудшали, потом показывали запись с тобой. Надежда повышала выход люмена.

Слова были настолько чудовищными, что сознание отказалось принять их сразу.

— Почему запись со мной?

— Потому что ты была последним человеком, к которому он хотел вернуться.

Лея ударила Адриана сетью. Потом руками. Он позволил, не закрываясь, пока силы не кончились. Она опустилась на колени у огня.

— Ты работал на них.

— Да.

— И наблюдал за нами.

— Да.

— Значит, знаешь, как он смеялся, где спал, что говорил мне?

— Я читал отчёты. Не хотел знать. Но знал.

Лея посмотрела с ненавистью. Мокрые волосы Адриана блестели в свете тлеющей бочки, как чёрное стекло, лицо

оставалось молодым и красивым — неправдоподобно, обманчиво молодым, словно время расплатилось с ним чужой монетой.

— Почему спасаешь сейчас?

— Потому что однажды увидел запись. Он был уверен, что дверь откроется и ты войдёшь. Аппарат уже начинал извлечение. Я остановил.

— Из жалости?

— Из зависти. Никто и никогда не ждал меня так, как он ждал тебя.

Снаружи залаяла собака. Адриан погасил огонь, прижал палец к губам. Через щели сарая двигались фонари.

Лея снова натянула ещё влажную рубашку и шорты. Он дал ей нож.

— Если поймают, не позволяй увезти живой.

— Очень обнадёживающе.

— Я стараюсь.

Они ушли через крышу, переползли по доскам на соседний склад и прыгнули в кузов грузовика со льдом. Лёд вокруг пах металлом и зимой, которой на острове не бывает, а Лея лежала рядом с человеком, которого должна была ненавидеть, и держала его ладонь, чтобы зубы не стучали от холода. До рассвета они не сказали друг другу ни слова.

Но губы помнили.

Глава 3. Автомобиль без тормозов

ДО ГИБЕЛИ ДАНИЭЛЯ

Через год после бала Даниэль и Лея ехали вдоль моря в открытом автомобиле; солёный ветер обжигал лицо, а вода внизу отливала то расплавленным золотом, то холодной сталью, точно само море не могло выбрать, каким светом их провожать. Они спорили из-за свадьбы: он хотел назначить дату, она боялась снова оказаться в жизни, где подпись делает её существование законным.

— Я не Арман, — сказал Даниэль.

— Именно поэтому не заставляй меня повторять его сценарий.

— Я не заставляю. Я спрашиваю.

— Каждый месяц.

Он ударил по тормозу перед поворотом. Педаль ушла в пол.

Машина продолжила набирать скорость.

— Пристегнись.

— Я пристёгнута.

— Тогда держись.

Дорога вилась над обрывом. Даниэль переключал передачи, пытаясь сбросить скорость. Впереди показался грузовик. Он вывел автомобиль на встречную полосу, прошёл в ладони от бампера и вернулся к краю.

Лея увидела металлическую площадку ремонтной дороги.

— Туда!

— Ворота закрыты.

— Значит, откроем.

Она отстегнулась, встала на сиденье и схватила аварийный молоток. Машину трясло. Ветер рвал платье и волосы. Лея ударила по стойке ворот в момент столкновения. Замок лопнул, створки разошлись.

За ними дорога заканчивалась песчаным карьером. Даниэль направил автомобиль в мягкий склон. Колёса зарылись, машина развернулась и остановилась боком, подняв облако рыжей пыли, которое медленно оседало на разгорячённый металл, точно карьер укрывал их одеялом.

Несколько секунд они молчали.

— Ты всё ещё хочешь свадьбу? — спросила Лея.

— Сейчас хочу новые тормоза.

Она начала смеяться. Смех переходил в дрожь. Даниэль обнял её, проверяя руки, лицо, колени; тёплый песок ещё сыпался с его плеч, пахло бензином и раскалённым металлом — запахом, которому отныне суждено было означать не смерть, а спасение. Она целовала его, куда попадала, — щеку, губы, подбородок, потому что страх требовал убедиться в каждой части живого мужчины, а где-то рядом со страхом уже разгоралось и другое, менее пристойное желание.

В песке под машиной нашли перерезанную тормозную магистраль — слишком ровный срез для случайности и слиш-

ком заботливый для убийства: кто-то не хотел их смерти, а хотел лишь измерить, на что они способны ради жизни друг друга.

Полиция назвала это повреждением от камня. Даниэль не поверил и нанял частного следователя. Через неделю тот исчез.

В ту ночь Лея впервые согласилась обсуждать свадьбу.

— Не потому, что испугалась остаться одна, — сказала она. — Потому что поняла: отсутствие обещания тоже ничего не гарантирует.

Даниэль не достал кольцо. Взял салфетку из придорожного кафе и нарисовал дом.

— Сначала это. Дата потом.

Если бы кто-то сказал ей тогда, что этот клочок бумаги переживёт и дом, и кольцо, и саму их клятву, она бы рассмеялась над такой нелепой мыслью. Но бумага, в отличие от людей, не умеет предавать — она просто ждёт своего часа.

После аварии Даниэль разобрал машину вместе с механиком. Разрез магистрали был хирургически ровным. В нише нашли крошечный датчик, передававший пульс обоих пассажиров.

— Зачем убийце измерять страх? — спросила Лея.

Частный следователь Харрис ответил:

— Возможно, вас не хотели убить. Хотели записать реакцию.

Даниэль заплатил за расследование. Через два дня Харрис

сообщил о компании «Аурелия Биомед». На третий исчез.

Лея приехала к его квартире. Дверь открыта, кофе тёплый, на столе фотография Даниэля в баре, датированная будущим числом. Подпись: «Фаза отчаяния».

— Они планируют момент, — сказала она.

Даниэль хотел обратиться к Кальдеру, своему политическому союзнику. Лея остановила:

— Его подпись была на разрешении браслета.

Он не поверил ей. Кальдер помогал компании годами, был другом отца.

— Ты видишь заговор, потому что уже потеряла Армана.

— А ты не видишь, потому что привык считать друзей собственностью.

Они поссорились. Даниэль всё-таки позвонил Кальдеру. Тот успокоил, обещал проверить и в ту же ночь приказал ускорить подготовку похищения.

Они подписали рисунок вдвоём. Одиннадцать лет спустя та же салфетка поможет доказать, что лаборатория наблюдала за ними задолго до похищения.

Глава 4. До того как море вернуло ключ

ДО ГИБЕЛИ ДАНИЭЛЯ

За одиннадцать лет до маскарада Даниэль Вернер считал любовь красивой слабостью людей, которым нечем занять вечер.

Ему было тридцать два. Он владел этажами офисов, са-молётом, тремя домами и привычкой не знать, где проснётся. Его имя открывало закрытые клубы, останавливало полицейские проверки и заставляло мужчин смеяться раньше шутки.

В пятницу он прилетел из Лондона, выиграл сделку на двести миллионов и решил отметить так, будто деньги могли испытывать одиночество без шума.

Клуб «Астрейя» находился под старым театром, в подземном зале, где никогда не менялось время суток. Золотые стены дрожали от огней, бассейн под стеклом светился бирюзой, будто кусок моря, украденный и запёртый под потолком; в воздухе стоял тяжёлый запах шампанского, духов и чужих денег. Женщины были в платьях, стоивших дороже квартир. Даниэль заказал шампанское для всего зала, танцевал на столе, проиграл часы в карты и целовал модель, имени которой не расслышал.

— Ты счастлив? — спросил его друг Виктор.

— Это вопрос бедных. У богатых есть расписание.

В три ночи он решил пустить в бассейн живого пони — подарок владельца. Дорогу ему перегородила официантка: менеджер предусмотрительно исчез.

На ней было чёрное платье формы, волосы собраны, в руках поднос. Красивая, но не той услужливой красотой, которую клуб выставял рядом с бутылками. Её глаза смотрели прямо.

— Животное в зал нельзя.

— Всё можно. Вопрос цены.

— Тогда цена — ваше отсутствие.

Люди вокруг замолчали. Никто давно не говорил Даниэлю «нет» без адвоката.

— Вы знаете, кто я?

— Мужчина, который мешает мне закончить смену.

Она забрала повод у охранника, вывела пони на улицу и вызвала владельца машину. Даниэль пошёл следом — сначала из гнева, потом из любопытства.

На заднем дворе женщина снимала каблуки. Ступни были в пластырях. Ночной воздух пах морской солью и мусорными баками — совсем другим миром, чем золото зала за её спиной. Она села на ящик, пересчитала чаевые и убрала половину в конверт с надписью «аренда». Она чувствовала его взгляд спиной — и это раздражало её больше, чем сама смена, потому что под раздражением пряталось совсем не то

чувство.

— Официантки дорогих клубов обычно уезжают с богатыми гостями, — сказал он.

— А пьяные наследники обычно уже спят лицом в шампанском.

— Я не наследник. Я преумножил.

— Поздравляю. Пони впечатлён.

Она ушла к ночному автобусу. Даниэль остался на дворе среди пустых ящиков, в свете единственного фонаря, пробывавшегося сквозь запах моря и сигаретного дыма. Модель ждала в машине, друзья звали продолжать, но впервые его вечер закончился не тогда, когда иссякли развлечения. Он закончился вслед за женщиной, имя которой он не знал. Деньги умели купить почти всё в его жизни, кроме одной простой вещи — желания остаться, — и именно поэтому оно показалось ему дороже всех сделок недели.

Наутро Даниэль позвонил владельцу клуба.

— Как зовут вашу официантку, которая выгнала моего пони?

— Лея Арден. Только не увольняйте. Она дерзкая, но работает за троих.

— Я не собираюсь увольнять.

— Тогда хуже. Вы собираетесь вернуться.

Даниэль посмотрел на часы, выигранные обратно неизвестно как, и впервые в жизни цифры на циферблате показались ему не роскошью, а обещанием.

— Сегодня вечером.

Глава 5. Рынок украденных имён

До города они добрались в кузове грузовика с апельсинами. Водитель не задал ни одного вопроса, только взял часы Адриана и дал Лее соломенную шляпу. Здесь вопросы считались роскошью людей, уверенных, что ответ не разрушит им жизнь.

Улицы спускались к порту жёлтыми ступенями, а море внизу горело таким плотным синим, что казалось не водой, а расплавленным небом, упавшим сюда по ошибке богов. На балконах сушились простыни, женщины торговались из окон, дети гоняли мяч между столиками кафе. Мир жил так близко и громко, что Лея чувствовала себя призраком среди чужого полудня.

Адриан снял комнату над пекарней. Хозяйка, госпожа Беллини, дала им один ключ и заговорщически подмигнула.

— Мы не супруги, — сказала Лея.

— Тем лучше. Супруги редко смотрят друг на друга так сердито.

Комната оказалась крошечной: кровать, таз, шкаф и окно на площадь. Адриан положил пистолет под подушку.

— Ты спишь на полу.

— Конечно.

— Почему согласился так быстро?

— Потому что ночью ты сама позовёшь меня на кровать.

— Самоуверенный ублюдок.

— Вот видишь, уже почти ласково.

Пока он искал дешёвый телефон, Лея пошла на рынок. Ей требовалась одежда, но сильнее — десять минут без человека, который знал о её погибшем муже больше неё. Она выбрала синее платье, простое, с тонкими бретелями. Продавщица затянула пояс и сказала, что цвет возвращает глаза.

Лея посмотрела в мутное зеркало лавки: старое стекло желтило свет, изображение чуть плыло по краям. Вдова в чёрном исчезла. На её месте стояла женщина с загорелыми плечами, ссадиной на скуле и страхом, который почему-то делал лицо моложе.

Она купила красный шарф у соседнего прилавка — просто потому, что он был красным, а не потому, что искала его. Торговка специями завязала шарф ей на волосы.

— Красное носят те, кто хочет, чтобы судьба наконец заметила.

— Она и так слишком внимательна ко мне.

— Судьба и беда — разные женщины. Вы просто всё время знакомились со второй.

На площади жарили персики. Сахар на них трескался янтарной корочкой, сок пах дымом и летом. Адриан, уже нашедший её взглядом издали, купил один и протянул ей. Лея откусила, обожглась, рассмеялась. Он большим пальцем снял каплю с её подбородка.

— Опять проявляешь благоразумие?

— Оно умирает медленно.

Они зашли в лавку пластинок. Старый хозяин поставил танго, увидев их взгляды. Музыка была потёртой, с шипением, будто доносилась из прошлого века. Адриан знал её наизусть.

— Откуда?

— Моя мать любила.

Он солгал слишком мягко. Позднее Лея узнает: эту пластинку подарила ему Элен в 1936 году.

Но тогда она лишь позволила Адриану взять себя за руку. Они танцевали между пыльными шкафами, тесно, почти без шагов. Его бедро касалось её ноги, грудь — её дыхания. Хозяин отвернулся с улыбкой человека, который видел тысячи чужих начал и знал, что каждое считает себя единственным.

Лея подумала о Даниэле. Вина кольнула и тут же смешалась с музыкой. Разве верность мёртвому должна означать смерть всех чувств живого? И если сердце снова ударило быстрее — преступление это или доказательство, что любовь мужа когда-то научила её жить?

Ответа не было. Только ладонь Адриана на спине — тёплая и настойчивая, как первое доказательство того, что живым иногда позволено хотеть больше, чем помнить.

* * *

В этом же городе, только на много лет раньше, Даниэль впервые в жизни стоял в очереди за хлебом и возмущался, что имя не ускоряет кассу.

Лея устроилась на один день помогать в кафе — хозяйка заболела. Он мыл посуду.

— Это медовый месяц, — напомнил Даниэль.

— Это обеденный час. Не путай религии.

После закрытия хозяйка заплатила им монетами. Даниэль держал свою первую физическую зарплату и выглядел трогательно гордым. Они купили на неё манго, хлеб и дешёвое вино, сели у моря. Лея ела плод, сок стекал по руке. Даниэль повторил знакомый поцелуй у запястья, но теперь в нём было меньше голода и больше узнавания.

— Я счастлив, — сказал он.

— И не болен?

— Только тобой.

— Плохая фраза. Любовь не болезнь.

— Тогда здоров тобой.

Они смеялись. В отдалении мужчина с камерой делал снимки. Даниэль заметил и показал неприличный жест, решив, что папарацци.

В отчёте фонда фотография получила подпись: «Объект демонстрирует устойчивое счастье при снижении статуса». Это подтвердило план: после стирания памяти Даниэля можно поселить бедно, и он не станет искать прежнюю власть, если рядом сохранится Лея.

Самый честный день их жизни стал моделью золотой клетки.

* * *

Возле рыбного ряда — уже назад, в настоящем — Лея заметила белую маску. Маска исчезла между людьми. Она ускорила шаг. За ней пошли двое мужчин без масок — слишком аккуратные для этого города.

Она свернула в переулок, затем во второй. Тупик. Над головой висели простыни, впереди стояла закрытая дверь.

— Госпожа Вернер, — сказал один. — Фонд хочет только вернуть собственность вашего мужа.

— Мой муж не оставлял вам ничего.

— Он оставил вас.

Лея взялась за нож в сумке. Но дверь за спиной распахнулась, чья-то рука втянула её внутрь. Адриан прижал палец к губам. Они стояли в прачечной, окружённые паром и белым бельём. Мужчины прошли мимо окна.

— Ты следил за мной?

— Ты ушла без телефона.

— Это не ответ.

— Это диагноз.

Она хотела ударить его, но услышала шаги у двери. Адриан подхватил её и посадил на высокий стол между корзинами. Встал между коленями, заслонив от окна.

— Если войдут, целуй меня, — прошептал он.

— Почему не ты меня?

— Потому что я обещал не делать ничего без разрешения.

Дверь открылась. Лея взяла его лицо и поцеловала.

Сначала это была уловка: прикосновение губ, закрытые

глаза, спектакль для тени в дверях. Потом Адриан ответил, и мир вдруг стал слишком телесным — пар на коже, его ладонь у неё на талии, запах мыла и хлеба, биение крови в ушах. Она забыла, где заканчивается притворство. Мужчина у двери пробормотал извинение и ушёл, а Лея продолжала целовать ещё одно сердцебиение.

Адриан отступил первым.

— Они ушли.

— Знаю.

— Тогда почему...

— Не задавай вопросов. Здесь так принято.

На площади, уже под вечер, Адриан встретился с курьером — тем самым контактом, которого ждал весь день. Тот передал координаты мастерской лиц и прошептал: «Вернер готовится к переводу». Через секунду его сбил мотоцикл — не случайность.

Лея подняла выпавший жетон. На нём был золотой круг.

Она не успела ничего спросить: Адриан уже уводил её прочь от собирающейся толпы, в сторону портового бара, где музыка глушила любые крики.

В баре пол лип от вина. Лея танцевала одна, закрыв глаза, — единственный способ, который она нашла, чтобы не думать о крови на мостовой. Адриан наблюдал у стены, пока к ней не подошёл моряк. Тогда оказался рядом.

— Ревнуешь?

— Охраняю.

— От мужчины, который умеет улыбаться?

— Особенно опасный навык.

Она потянула его в танец. Сначала Адриан сопротивлялся, потом тело вспомнило ритм. Он повёл её неожиданно властно, разворачивал среди людей, ловил за талию. Лея смеялась и злилась на себя за счастье в день, когда на её глазах убили человека.

На улице их настигли те же двое из рыбного ряда. Танец продолжился бегством: через рынок, рыбные ряды, кухню, где повар метнул нож в одного из наёмников, и крышу автобуса, тронувшегося от остановки.

Лея лежала рядом с Адрианом на горячем металле. Внизу кричали люди, ветер задирал её платье, пульс бился у горла.

— Это всё ещё свидание? — спросила она.

— Лучшее за последние лет семьдесят.

— Что?

— Семь. Я сказал семь.

Вечером они вернулись в комнату. Адриан молча устроился на полу. Лея легла, отвернулась к стене и долго слушала его дыхание.

Ночью началась гроза. Она проснулась от кошмара, в котором самолёт Даниэля снова падал в море. Не открывая глаз, протянула руку вниз.

Адриан взял её пальцы, но на кровать не поднялся.

Так они и спали: она наверху, он на полу, их руки соединены в темноте.

Она запомнила и это.

* * *

Утром госпожа Беллини принесла им два паспорта и корзину персиков. Паспорта пахли типографской краской, персики — солнцем. На фотографии Лея была брюнеткой по имени Елена Крайс, Адриан — торговцем стеклом Томасом Лером.

— Почему мы супруги? — спросила Лея.

— Холостого мужчину с красивой женщиной запоминают. Мужа — нет.

— Ты слишком высокого мнения о мужьях.

На рынке украденных имён продавали всё: свидетельства о рождении умерших детей, дипломы закрытых университетов, медицинские истории людей, никогда не болевших. Торговцы сидели под яркими навесами рядом с фруктами и рыбой. Между корзиной лимонов и клеткой с курами можно было купить новую жизнь дешевле хороших туфель.

Адриан искал человека по прозвищу Каллиграф. Тот когда-то готовил документы для фонда. Лея заметила его первой: старик писал открытки туристам, выводя имена золотыми чернилами.

— Мне нужно приглашение на аукцион Вельта, — сказал Адриан.

— А мне — молодость, — ответил Каллиграф. — Раз уж доктор Рейн снова торгуется.

Лея увидела, как лицо Адриана закрылось.

Старик знал его. Не молодого двойника, не «внука» — именно его.

— Я больше не работаю на клинику.

— Никто не перестаёт работать на бессмертие. Одни поставляют кровь, другие молчат.

Каллиграф согласился обменять приглашение на список людей, выведенных Адрианом из программы. Список означал смертный приговор спасённым.

— Нет, — сказала Лея.

— Вы не участвуете в разговоре, госпожа Вернер.

Он назвал настоящую фамилию. Вокруг сразу стало тихо. Два мужчины у рыбного прилавка повернулись.

Адриан опрокинул чернильницу. Золотая жидкость растеклась по столу. Они побежали через рынок. Лея сбивала корзины, торговцы ругались, куры вылетели из клетки и превратили погоню в пернатый хаос.

У площади дорогу перекрыл полицейский. Адриан обнял Лею и поцеловал, закрывая лицо от преследователей. Она ответила слишком естественно. Полицейский усмехнулся и отвернулся.

Они спрятались в лавке париков. Хозяйка посадила Лею перед зеркалом, надела рыжие локоны, Адриану — седую бороду.

— Теперь вы похожи на нормальную пару, — сказала она.

— Почему?

— Муж старше и выглядит виноватым.

Выйдя через заднюю дверь, они обнаружили в корзине персиков приглашение. Каллиграф всё-таки помог. На обороте написал: «Список у них уже есть. Я хотел проверить, осталась ли у тебя совесть».

Адриан порвал записку.

— Осталась? — спросила Лея.

— Иногда. Очень мешает работать.

Рынок открывался после полуночи под железнодорожными арками. Здесь продавали паспорта, голоса, медицинские истории и людей, готовых на несколько лет стать чужими. Над прилавками висели лампы, лица казались вырезанными из жёлтого воска.

Адриану требовался список новых личностей клиентов фонда. Торговец по имени Мел предложил обмен: список за отпечаток пальца Адриана.

— Зачем?

— Есть люди, которые платят за биологию человека без возраста.

Лея увидела, как напряглась его рука.

— Отпечаток мой, — сказала она.

— Женщина Арден дешевле.

— Пока.

Она сняла с витрины паспорт на имя Эммы Крост и заметила в защитной нити микрокод клиники. Поднесла к лампе.

— Вы печатаете документы для фонда. Значит, список уже в вашей машине.

Мел улыбнулся и свистнул. Из толпы вышли трое.

Адриан опрокинул прилавок. Паспорта взлетели белыми птицами. Лея нырнула под стол, нашла кейс, но наручник соединил его с запястьем торговца.

Они побежали втроем: Мел, Лея с кейсом и Адриан, отбивающийся от охраны. Цепочка людей получилась нелепой и быстрой. На повороте Лея ударила наручником о железный столб. Мел закричал, ключ выпал из кармана.

Адриан открыл замок. Они исчезли в вагоне ночного поезда за секунду до закрытия дверей.

В купе Лея разложила паспорта. Среди них был документ Даниэля с новым именем — Антон Рей — и датой выдачи на следующую неделю.

— Они готовят ему новую жизнь, — сказала она.

— После стирания памяти.

— А мне?

Адриан нашёл паспорт Леи. Фотография была настоящей, имя чужое, семейное положение — жена Антона Рея.

Клиника планировала вернуть ей мужа с другой личностью и поселить в простой жизни, пока состояние Вернера перейдёт фонду. Не убийство, а идеально оформленное счастье.

Лея разорвала паспорт пополам.

— Они не знают одного.

— Чего?

— Я уже научилась жить бедно. Второй раз клетка не по-

кажется домом.

Паспорта из кейса Мела содержали одинаковую ошибку в водяном знаке — маленькую звезду вместо точки. Роза узнала знак типографии в порту.

Они отправили один документ Кейну. Журналист проверил: за десять лет с такой звездой пересекли границы триста двенадцать человек, официально умерших раньше даты поездки.

— Не все доноры, — сказал Адриан. — Часть клиентов меняла личности.

Список разделили по возрасту фотографий и медицинским кодам. Семьдесят восемь имён принадлежали похищенным, остальные — покупателям молодости.

Мел объявил награду за кейс. Теперь за героями охотился не только фонд, но и криминальный рынок личностей. Роза предложила распространить копии паспортов среди конкурентов Мела, чтобы те начали подозревать друг друга.

— Это грязная игра, — сказала Лея.

— Мы не обязаны пачкаться кровью. Достаточно чужим тщеславием.

Они отправили разные фрагменты четырём группам. Рынок раскололся, охота ослабла. Полученная передышка позволила добраться до мастерской лиц, где должен был храниться оригинал биометрии Даниэля.

Она откусила персик — мякоть была тёплой от солнца, сладкой почти до боли. Сок потёк по подбородку. Адриан

снял каплю пальцем, и взгляд его задержался дольше, чем требовала вежливость. Лея ждала поцелуя; он отвернулся к двери, и в этом отказе было больше нежности, чем в ином объятии.

Глава 6. Дом, который забрали приставы

ДО ГИБЕЛИ ДАНИЭЛЯ

За три месяца до встречи с Даниэлем Лея жила в доме с голубыми ставнями и выбирала ленты для свадебных приглашений.

Она прожила с Арманом почти четыре года. Газеты называли их самой красивой парой побережья; на благотворительном балу он надел ей кольцо перед двумя сотнями гостей, а утром их лица появились под заголовком «Свадьба года». Дату назначили на четырнадцатое июня. Платье уже висело в отдельной комнате, белое, как обещание, которое никто не догадался проверить у нотариуса, и утренний свет, падая сквозь жалюзи, расчерчивал его золотыми полосами, будто заранее размечал раздел имущества.

Когда-то мать просила Лею не бросать университет ради замужества.

— Любовь прекрасна, девочка. Но научись хотя бы одному делу, которое прокормит тебя, если прекрасное однажды заболеет, предаст или умрёт.

Лея обиделась. Арман смеялся, целовал её в висок и говорил, что ей никогда не придётся думать о счетах. Он выбирал дома, машины, поваров и страны; Лея выбирала цвет

салфеток и благотворительные вечера. Она жила как Барби в доме без задней стены, не замечая, что вся её жизнь держится на одной чужой ладони.

За пять дней до свадьбы Арман погиб. Его машина сорвалась с горной дороги после встречи с партнёром Габриэлем Сорном. На следующий день следователи сообщили, что через компании Армана выводили деньги и перевозили запрещённые препараты. Счета заморозили, дома опечатали, драгоценности внесли в опись.

Брака ещё не было. Завещания на имя Леи — тоже. Родственники Армана приехали раньше похорон. Будущая свекровь сняла с вешалки свадебное платье и велела горничной упаковать его вместе с фамильным кружевом.

— Ты никто по документам, — сказала она. — Гостья, которая задержалась.

Приставы пришли во вторник утром. Один был вежливым, второй смотрел на часы.

— У вас два часа собрать личные вещи.

— Через пять дней я должна была здесь выйти замуж.

— Сейчас это объект описи.

Они наклеивали номера на картины, мебель, рояль, даже на коробки с нераспечатанными приглашениями. Каждая вещь переставала быть жизнью и становилась строкой в протоколе.

Вечером Лея сидела на тротуаре напротив закрытых ворот. Рядом стояли два чемодана, коробка фотографий и сва-

дебные туфли, почему-то оставленные родственниками. Телефон разрывался: адвокаты требовали аванс, знакомые выражали соболезнования и ни один не предлагал комнату.

Она сняла квартиру в доме, где обои отходили от стен влажными языками, трубы кашляли ржавчиной, а тараканы выходили на кухню так уверенно, будто договор аренды подписали они. В первую ночь Лея не сумела зажечь старую плитку. Сидела на полу, ела сухой хлеб и слышала голос матери: «Научись хотя бы одному делу».

Она не умела почти ничего, что ценилось без красивого платья. Не окончила университет, не составляла резюме, не знала, сколько стоит электричество, путала стиральный порошок со средством для посуды. На первом собеседовании спросила, кто будет вести её календарь, и увидела, как женщина напротив прячет улыбку.

В «Астрю» её взяли официанткой из-за французского, осанки и умения разговаривать с богатыми гостями. В первую неделю она разбила девять бокалов, перепутала столы, обожгла руку супом и отдала все чаевые за испорченное платье посетительницы. Потом научилась носить три тарелки, считать сдачу, улыбаться хамам и не плакать в туалете.

Она не мечтала о спасителе. Мечтала заплатить адвокату и вернуть хотя бы фотографии.

В ночь, когда Даниэль привёл в клуб пони, на её счёте оставалось сорок семь единиц, хозяин квартиры поднял аренду, а адвокат сообщил: дело Армана может длиться го-

ды.

Когда за последним чемоданом захлопнулась дверь — глухо, тяжело, будто сейф, а не жилой дом, — Лея ещё мину-ту стояла на холодных ступенях, ожидая, что дом опомнит-ся. Что в окне появится Арман — сердитый, красивый, жи-вой — и скажет всем этим людям с папками, что произошла ошибка. Но за стеклом двигались чужие силуэты. Женщина в сером костюме уже снимала со стены их фотографию, рас-сматривая раму, а не лица.

В чемодане лежали три вечерних платья, туфли для сва-дебного танца и серебряная расчёска. Ни одной вещи, спо-собной накормить её к следующей пятнице. На банковской карте осталось столько, сколько прежде стоил обед. Телефон звонил до вечера: журналисты хотели слёз, родственники — ключи, кредиторы — подпись. Никто не спросил, где она бу-дет спать.

Квартиру нашла Роза, бывшая горничная Армана. Пятый этаж без лифта, окно во двор-колодец, матрас с пружиной, которая упиралась в ребро. На кухне таракан прошёл по краю раковины с достоинством хозяина. Лея бросила в него свадебной туфлей и промахнулась.

— Назову тебя Арманом, — сказала она. — Ты тоже оста-вил меня без объяснений.

Ночью она позвонила матери. Палец долго висел над зе-лёным кружком. Мать ответила сразу, будто все эти годы си-дела рядом с телефоном.

— Мам, ты была права.

— Это худшие слова, которые мать может услышать от плачущей дочери. Где ты?

Лея назвала адрес и впервые не стала делать голос красивым. Мать приехала утром с супом, старым ноутбуком и конвертом денег. Не спросила про драгоценности, не напомнила университет. Только вымыла чашки и приклеила отошедшие обои скотчем.

— Я ничего не умею, — сказала Лея.

— Умеешь начинать с нуля. Просто ещё не пробовала.

Эта фраза обидела сильнее жалости и потому спасла. Через два дня Лея составила первое резюме. В графе «навыки» написала: английский, французский, организация приёмов, работа с благотворительными фондами. Потом стёрла «сопровождение супруга» и написала «переговоры». Только тогда увидела, что четыре года красивой жизни были не пустотой: она запоминала лица, умела успокаивать разгневанных людей, различала ложь по паузе перед улыбкой. Просто всё это прежде называли женской прелестью, чтобы не платить ей зарплату.

В клуб её взяли не за красоту. Управляющий дал поднос и велел пройти между столиками. Она разбила два бокала, облила шампанским депутата и до конца смены стояла в подсобке, вытирая ладони о фартук, потому что они дрожали. Но не ушла.

Дом отняли за один день. Стыд уходил месяцами. Досто-

инство возвращалось по мелочи: первая чаевая, самостоятельно оплаченный свет, суп, который не пригорел, и утро, когда она увидела таракана и не заплакала.

В автобусе Лея впервые за день улыбнулась. Не Даниэлю — тому, что сумела закончить ещё один день сама.

* * *

За два дня до даты, напечатанной золотом на приглашениях, семья Армана устроила благотворительный вечер в том самом отеле, где должна была состояться свадьба.

Лея узнала об этом из журнала в парикмахерской. На обложке будущая свекровь стояла между белыми колоннами и говорила о мужестве семьи после трагедии. За её спиной Лея увидела арку из цветов, которую выбирала сама.

— Они не отменили праздник, — сказала она.

Парикмахерша сделала вид, что не слышала.

Вечером Лея надела единственное платье, которое приставы не внесли в опись, и приехала в отель. У входа охранник узнал её, но посмотрел на список.

— Вашего имени нет.

— Здесь должна была быть моя свадьба.

— Сегодня другое мероприятие.

Через стеклянные двери она видела гостей. Столы стояли на прежних местах, оркестр играл музыку, выбранную для первого танца. Даже торт был похож — только вместо фигур жениха и невесты наверху красовался герб фонда.

Мать Армана вышла сама.

— Зачем ты пришла?

— Забрать фотографии моей матери. Они остались в кабинете.

— Всё в доме относится к наследственной массе.

— Моя мать никогда не встречала Армана.

— Тогда тем более эти фотографии не имеют отношения к тебе как к члену семьи.

Лея услышала нелепость фразы и поняла: богатство не делает людей логичнее, оно лишь нанимает охрану для их нелогичности.

Гости начали выходить посмотреть. В первом ряду стояли женщины, которые ещё неделю назад обсуждали с Леей цвет лент. Теперь одна поправляла серьгу, другая шептала мужу, третья подняла телефон.

Лея могла устроить сцену. Вместо этого сняла кольцо Армана.

— Передайте семье. По документам оно, вероятно, тоже никогда не было моим.

Она положила его на серебряный поднос официанта. Бриллиант звякнул рядом с пустыми бокалами.

— И оставьте себе цветы. Они красивые. Было бы жаль, если бы хоть что-нибудь здесь пропало зря.

Лея развернулась. Каблуки сломались на первой ступени. Смех за спиной был тихим, но она услышала.

До остановки шла босиком, неся туфли в руке. Дождь начинался крупными тёплыми каплями. У киоска купила пи-

рожок на последние монеты и обнаружила, что не знает, как пополнить автобусную карту.

Пожилая женщина помогла и спросила:

— Первый раз одна?

Лея кивнула.

— Ничего. Все когда-нибудь первый раз.

Автобус пришёл переполненный. Лея стояла, прижатая к чужим пальто, и смотрела, как отель уходит назад за мокрым стеклом, рассыпаясь на дрожащие огни. Завтра журналы напишут о её падении. Но именно в эту ночь, без фамилии мужчины, она сама нашла дорогу домой — будто в кармане плаща завёлся собственный ключ, впервые не одолженный и не подаренный.

* * *

Кухня в съёмной квартире была размером с прежнюю гардеробную Леи. На полке стояли одна кастрюля, чашка без ручки и банка соли, отсыревшей в камень.

Лея решила сварить суп. Купила картофель, лук, морковь и курицу, ориентируясь на картинки в телефоне. Дома обнаружила, что курица целая и смотрит на неё кожей так укоризненно, будто тоже знала о брошенном университете.

Она позвонила матери — по старому номеру, который давно не отвечал. Услышала механический голос и всё равно сказала:

— Ты была права. Довольна?

Таракан прошёл по столу. Лея ударила его свадебным ка-

талогом.

Суп получился серым. Картофель разварился, лук остался твёрдым, соль выпала вся сразу. Лея попробовала и заплакала — не от вкуса, а от того, что даже еда требовала навыка, которого у неё не было.

В дверь постучала соседка, госпожа Марта, бывшая швея с руками в узлах вен.

— У вас пахнет пожаром и отчаянием.

Она вошла без приглашения, попробовала суп и перекрестилась.

— Бог простит. Желудок — нет.

Марта вылила половину, добавила воду, травы и кусок старого сыра. Села напротив.

— Богатая была?

— Почему вы решили?

— Бедные женщины режут лук сердито. Ты режешь испуганно.

Лея рассказала о доме, Армане, свадьбе и приставе, смотревшем на часы.

— Значит, всё потеряла.

— Всё.

— Руки остались?

Лея посмотрела на ладони.

— Остались.

— Голова?

— Иногда.

— Уже капитал.

Они ели спасённый суп из одной кастрюли, и пар от него оседал каплями на холодном окне, точно кухня наконец вспотела от чужого тепла. Суп всё равно был плохим, но тёплым, и этого тепла хватило на весь вечер. Марта показала, как зажигать плиту, не опаливая брови, где покупать продукты дешевле и как заклеить окно газетой.

— Запомни, — сказала Марта. — Когда умеешь сама сварить себе суп, чужими обещаниями тебя уже труднее накормить.

Через неделю Лея принесла Марте новый суп. Слишком густой, но съедобный. Они поставили две чашки, однако пили из одной: у второй снова отломилась ручка.

Глава 7. Мастерская чужих лиц

Каллиграф отправил их к женщине по имени Роза, которая шила костюмы для театров и новые лица для беглецов. Мастерская занимала чердак старого дома. С потолка свисали платья, мундиры, парики, маски. Без людей одежда выглядела собранием душ, временно покинувших тела. Пыль плавала в узких лучах, падавших сквозь слуховое окно, и пахло здесь не тканью, а чужими жизнями — пудрой, воском и чуть горьковатым клеем масок.

Роза была маленькой, быстрой и разговаривала булавками во рту.

— На аукционе вас узнают, — сказала она Адриану. — Вы слишком долго носите одно лицо.

Она посадила его перед зеркалом, добавила седину, изменила линию бровей, приклеила тонкие морщины. Через час он выглядел лет на пятьдесят.

Лея не могла отвести глаз.

— Что?

— Так ты мог бы стареть.

Адриан посмотрел на отражение. Коснулся морщины возле губ.

— Неплохо.

— Тебе идёт время.

Роза выбрала для Леи серебристый парик и платье с вы-

соким воротом. Чтобы подогнать корсет, велела раздеться за ширмой. Адриан стоял с другой стороны.

— Не подглядывай.

— Здесь двадцать зеркал. Я физически не могу выполнить.

Лея увидела его взгляд в отражении. Медленно сняла блузку, не отворачиваясь. Роза затягивала шнуровку, ругалась на современные фигуры.

— Женщины раньше умели дышать меньше.

— Они раньше и жили меньше, — ответила Лея.

Платье подняло грудь, подчеркнуло талию, превратило её в незнакомку из другой эпохи. Адриан подошёл, застегнул жемчужину у горла.

— Кто я? — спросила она.

— Женщина, из-за которой мужчины начинают войны и потом обвиняют географию.

Роза фыркнула.

— Мужчины начинают войны из-за собственной глупости. Женщины просто красиво стоят рядом.

Внизу хлопнула дверь. В мастерскую вошли люди фонда. Роза погасила свет и открыла шкаф.

— Внутрь.

Лея и Адриан спрятались среди мехов. Пространство было тесным, корсет мешал дышать. Он стоял за спиной, ладонь на талии, губы у виска.

Наёмники обыскивали комнату. Один открыл соседний

шкаф. Лея почувствовала, как Адриан достал нож.

Его дыхание касалось кожи. Страх и платье сделали тело чувствительным. Она откинулась чуть назад. Он сильнее сжал талию — предупреждение.

Дверца открылась. Роза бросила в комнату манекен, одетый в пальто Адриана. Мужчины погнались к лестнице. Она захлопнула шкаф снова.

— Теперь можете выходить, — сказала через минуту.

Они не двигались.

— Или оставайтесь. Шкаф почасовой.

Лея рассмеялась. Адриан поцеловал шею над воротом — коротко, горячо. Потом вышел первым.

Роза дала им чемодан с масками.

— Лицо можно изменить за час, — сказала она. — Только помните: люди узнают нас не по лицам. По тому, как мы смотрим на тех, кого любим.

Доктор Сава менял лица в помещении над кукольным театром. На стенах висели гипсовые маски клиентов — молодые версии старых политиков, новые подбородки беглых банкиров, улыбки женщин, которым надоело узнавать себя.

— Адриан Рейн, — сказал Сава. — Или теперь другое имя?

— Мне нужны две маски и доступ к архиву.

— Архив не продаётся.

— Всё продаётся, — сказала Лея. — Вопрос цены.

Она услышала собственную фразу из клуба и поняла, как

легко язык Даниэля поселился в ней.

Сава снял мерки с её лица. Тёплый силикон лёг на кожу, оставляя отверстия у носа. Лея не могла говорить и видела только Адриана через узкие щели. Он стоял рядом, положив пальцы на её запястье. Пульс успокаивался под его прикосновением.

Когда маску сняли, Сава показал результат: лицо женщины старше на двадцать лет.

— Так вы будете выглядеть, если доживёте честно.

Лея коснулась морщин копии — гипс был прохладным и сухим под пальцами, совсем не похожим на живую кожу, которую он обещал предсказать.

— Красиво.

Сава удивился.

— Большинство просит убрать годы.

— Большинство ещё не видело, как их крадут.

Пока доктор работал над Адрианом, Лея проникла в архив. Нашла слепок лица Даниэля и десятки вариантов его будущей личности. В одном он был учителем, в другом владельцем мастерской, в третьем мужем женщины, похожей на Лею только цветом волос.

На обороте стояла подпись Восса: «Рекомендуется версия с пониженной амбициозностью. Супруга после коррекции памяти».

Сава появился в дверях с оружием.

— Вы не понимаете. Я даю людям шанс начать заново.

— Без их согласия.

— Согласие переоценено теми, кто не знает, сколько платят за забвение.

Адриан, ещё с половиной силиконовой маски, ударил его манекеном. Они связали Саву лентами для париков и забрали слепок.

На улице Лея надела искусственно состаренное лицо. Адриан посмотрел долго.

— Что?

— Надеюсь дожить до дня, когда ты станешь такой.

— Ты уже дожил.

— Но не рядом.

Она не ответила. Маска скрыла румянец лучше молодости. Есть слова, которые красивее звучат в чужом лице, потому что настоящее было бы слишком честным для того, кто ещё не решил, имеет ли право на будущее рядом.

Слепок Даниэля имел микрочип. Маттиас прочитал: параметры будущего лица, дозировка препарата и дата «перевода личности».

Операцию планировали провести на медицинском поезде после острова. Значит, Даниэля ещё не перевезли или готовили повторную коррекцию.

Лея хотела сразу искать поезд. Адриан остановил:

— Без списка маршрутов будем гоняться за призраком.

— Ты уже заставил меня ждать достаточно.

— И поэтому не хочу потерять последнюю возможность

спешкой.

Они поссорились. Лея ушла из мастерской одна и увидела на улице человека с лицом Армана. Те же скулы, походка, шрам у подбородка.

Она побежала следом. Мужчина оказался актёром, которому Сава сделал лицо для будущей подмены памяти Леи. Его наняли сниматься в домашних сценах.

— Мне сказали, это фильм, — оправдывался он.

В телефоне были адреса съёмочного дома и расписание. Там они нашли декорацию прежней жизни Леи — спальню Армана, восстановленную по фотографиям вплоть до трещины на прикроватной лампе. Пахло свежей краской и клеем; духи создатели декорации выбрали не те. Рядом готовили новую биографию Леи и нового Даниэля.

Среди реквизита лежал билет на остров. Лея сунула его в карман. На кровати, аккуратно застеленной чужими руками, лежала фотография Армана.

На аукцион они поехали в разных машинах. Лея всё время видела впереди задние огни Адриана и всё равно проверяла их на каждом повороте — так, наверное, проверяют не дорогу, а собственное сердце: не отстало ли, не свернуло ли не туда.

Глава 8. Соль на его коже

До Монте-Розы оставалось десять километров, когда все дороги закрыли. Роза отправила их на поле воздухоплаватель: утром оттуда стартовали рекламные шары винного дома.

Адриан подкупил пилота, но тот исчез, увидев полицию. Пришлось взлетать самим.

— Ты умеешь управлять? — спросила Лея, когда корзина оторвалась от земли.

— Читал инструкцию в 1937 году.

— Тогда ещё не было этих горелок!

— Принцип огня не изменился.

Шар поднимался над виноградниками; воздух наверху был холоднее и суше, пах остывающим дымом горелки. Дороги стали нитями, дома — игрушками. Внизу полицейские машины остановились у поля.

— Боишься высоты? — спросил он, заметив, как крепко она держится за край.

— Боюсь людей, которые называют корзину с огнём транспортом.

— Справедливо.

Ветер понёс их к горам. Адриан регулировал пламя, Лея держала карту. Корзина качалась, платье раздувало.

— Если умрём, — сказала она, — я буду очень зла.

— Это успокаивает. Значит, после смерти мы не останемся вместе надолго.

Они перелетели хребет, но впереди появилась гроза. Шар начало втягивать в облако. Дождь ударил по оболочке, волосы Леи разлетелись.

Адриан сбросил мешки с песком. Последний застрял. Лея полезла на край корзины и перерезала верёвку. Порыв качнул, она сорвалась. Адриан поймал за пояс, прижал к себе.

— Никогда больше.

— Ты сам постоянно прыгаешь с крыш.

— У меня опыт плохих решений.

— Теперь и у меня.

Облако осталось позади. Они плыли в золотом утре. Под ними тянулись поля, пахло мокрой тканью и газом горелки. Лея села на дно корзины. Адриан опустился рядом. Пространства едва хватало, колени переплелись.

— Красиво, — сказала она.

— Ты или вид?

— Не льсти. Тебе ещё сажать.

Внизу, там, где дорога огибала виноградник, показалась машина Восса. Стрелок высунулся из окна раньше, чем Лея успела её узнать. Пуля пробила ткань шара с сухим хлопком.

Адриан сбросил остаток балласта. Корзина рванула вверх. Лея упала на него, его руки обхватили её талию.

— Отпусти.

— Мы на высоте тысячи метров.

— Не руки. Взгляд.

— Это сложнее.

Она поцеловала его первой. Горелка обожгла губы жаром, ветер тут же остудил их. Адриан поднял Лею на край корзины; она ударилась коленом о крепление и выругалась ему в рот. Они отстранились только после второго хлопка ткани над головой.

Шар терял высоту быстрее, чем следовало. Приземлились разгорячёнными и растрёпанными прямо посреди праздника виноделов, сбив стол с пирогами.

Толпа заплодировала, решив, что это часть представления.

— Следующий раз выбираю транспорт я, — сказала Лея, вынимая виноградный лист из волос.

— Троллейбус?

Она посмотрела на него резко. Адриан не мог знать это слово — только если не прочитал где-то её досье до последней строчки. Радость полёта получила первую тень.

Он поклонился толпе. Полиция искала их на дорогах, а беглецы прошли через праздник как любовники, прилетевшие с неба, — и один из них знал о втором больше, чем имел право.

* * *

Автобус привёз их к пустому пляжу.

Они вошли в море в одежде, чтобы смыть рыбью чешую и пыль погони. Вода была тёплой, луна лежала на ней сереб-

ряной дорогой.

Лея нырнула. Под водой исчезли голоса, смерть мужа, ложь Адриана. Остался только собственный пульс. Когда она вынырнула, Адриан был рядом.

— Ты всегда следуешь за мной?

— Когда ты идёшь туда, где можно утонуть.

— А если я хочу?

Он обхватил её талию и прижал к себе.

— Тогда придётся сначала утопить меня.

Мокрая ткань между телами ничего не скрывала. Лея почувствовала его желание и собственный ответ — быстрый, горячий, почти сердитый. Она положила ладони ему на плечи.

— Я замужем.

— Знаю.

— Возможно, мой муж жив.

— Знаю.

— Тогда почему ты не отпускаешь?

— Потому что ты не просишь.

Лея оттолкнула его и вышла на берег. Колени дрожали. Адриан остался в воде, давая ей расстояние.

Позже он развёл костёр из плавника, пахнущего смолой и солью. Они сушили одежду, сидя по разные стороны огня в найденных полотенцах, и пламя красило их лица то золотом, то тенью. Каждая искра казалась продолжением того, что не случилось.

— Ты опаснее людей с оружием, — сказала Лея.

— Они хотя бы честно хотят убить.

— А ты чего хочешь?

Он смотрел на неё через пламя.

— Чтобы ты однажды подошла сама. И потом не смогла обвинить меня, что я украл ещё одну часть твоей жизни.

Этой ночью он не прикоснулся к ней.

Огонь гас, но расстояние между ними становилось горячее.

Лея растирала волосы полотенцем. Адриан сидел напротив, локтями на коленях. Вода стекала по груди и задерживалась в старых шрамах. Она смотрела дольше, чем собиралась.

— Этот от пули?

— От осколка.

— Война?

— Одна из них.

— Ты говоришь как старик.

— Иногда чувствую себя старше, чем выгляжу.

Она пересела ближе и коснулась круглого следа над сердцем. Кожа под пальцами напряглась.

— А этот?

— Цена доверия врачам.

Адриан накрыл её ладонь своей, но не убрал. Лея почувствовала удар сердца прямо в пальцы. Оно было живым, сильным — и почему-то испуганным.

— Ты боишься меня?

— Себя рядом с тобой.

— Красивые слова.

— Красивые слова — любимая одежда лжи. Поэтому я стараюсь говорить неприятное.

— Скажи.

— Ты хочешь меня не потому, что знаешь. Потому что не знаешь. Тайна похожа на глубокую воду: люди называют её прекрасной, пока не начинают тонуть.

Лея убрала ладонь.

— А ты хочешь меня почему?

— Потому что знаю достаточно, чтобы бежать. И всё равно остаюсь.

В ту ночь она впервые поняла: этот мужчина не обещает ей безопасного счастья. Он сам был дверью, открытой туда, где сладость и погибель пахли одинаково.

Утром Адриан исчез. На столе лежала записка: «Не выходи. Вернусь к полудню». Ни объяснения, ни подписи — как будто приказ становился менее раздражающим без имени автора.

К часу Лея разбила чашку. К двум решила, что он её бросил. В три услышала выстрелы со стороны порта.

Она нарушила приказ с удовольствием человека, которому наконец дали виновного. На набережной толпились люди. Полицейский катер горел у волнореза, дым размазывал солнце. Лея увидела Адриана в воде — далеко от берега, ря-

дом с перевёрнутой лодкой. На поверхности показалась рука, потом исчезла.

Он нырнул.

Время растянулось. Пять секунд. Десять. Двадцать. Лея уже снимала туфли, когда Адриан вынырнул, держа мальчика. Доплыл до лестницы, передал ребёнка рыбакам и только тогда позволил себе повиснуть на камне.

Лея спустилась к нему.

— Ты ранен.

На боку темнела кровь.

— Царапина.

— У всех мужчин есть это идиотское слово?

В комнате она заставила его снять рубашку. Пуля прошла по касательной, но рана была глубокой. Адриан пытался обработать её одной рукой. Лея забрала бинт.

— Сядь.

— Ты дрожишь.

— От желания ударить тебя.

Она промыла рану. Солёная вода высохла на его коже маленькими кристаллами. Под пальцами двигались мышцы, тёплые и живые. На спине обнаружились новые шрамы: тонкие, ровные, похожие на следы хирургических инструментов.

— Что с тобой делали?

— То же, что я позволял делать другим.

— Это не ответ.

— Пока единственный.

Он перехватил её руку у своего живота. Лея подняла глаза. Между ними не осталось ни бинта, ни шуток, за которой можно спрятаться.

— Тот поцелуй в прачечной, — сказал Адриан. — Он был для них?

— Сначала.

— А потом?

— Ты всегда требуешь отчёт после спасения?

— Только если спасли меня.

Лея провела большим пальцем по соли у его ключицы. Адриан закрыл глаза. Это маленькое движение власти обожгло сильнее поцелуя. Она наклонилась, коснулась губами кожи возле раны, потом выше. Соль была горькой, море — тёплым, его дыхание стало неровным.

Он не тронул её, пока она сама не положила его ладони себе на талию.

Внизу госпожа Беллини громко спорила с поставщиком муки. Колокола отбили четыре. Город продолжал жить, а Лея целовала мужчину, который мог знать, где держат её мужа, и не могла решить, что страшнее: его ложь или собственное желание.

Адриан остановился.

— Если продолжим, я не хочу, чтобы завтра ты назвала это горем.

— А если назову ошибкой?

— Ошибки я переживаю легче.

Она отступила. На губах осталась соль.

Вечером Адриан принёс украденную из порта папку. В списке грузов фонда «Элизиум» значился контейнер с медицинскими капсулами и кодом, совпадающим с ключом Даниэля. Маршрут вёл в Монте-Розу.

— Мальчик был случайностью? — спросила Лея.

— Нет. Его отец работал на погрузке. Я хотел сведения.

— Ты спас ребёнка ради папки?

— Я полез за папкой. Ребёнок упал в воду. Иногда даже у плохого поступка появляется шанс закончиться хорошо.

После погони они спрятались в соляных бассейнах. Белые поля тянулись до горизонта, вода была розовой от водорослей, ветер переносил кристаллы и оставлял их на коже.

Адриан получил порез под ребром. Лея заставила снять рубашку и промыла рану. Соль жгла; он не издал звука.

— Ты всё терпишь молча?

— Не всё.

— Что не терпишь?

— Когда женщина делает вид, что не замечает, как я на неё смотрю.

Лея подняла глаза. Белый свет отражался от воды, невозможно было спрятаться в тени. На груди Адриана шрамы принадлежали разным десятилетиям: пуля, операция, ожог, тонкая линия под сердцем.

— Расскажи про каждый.

Он называл города и годы. Берлин, 1948. Алжир, 1962. Прага, 1979. Мир старел на его теле тайными знаками, пока лицо оставалось прежним.

Лея провела пальцем по круглому шраму.

— А этот?

— Первая попытка извлечения. Я думал, что спасаю Элен.

Он накрыл её руку, но не убрал.

Ветер прижал платье Леи к ногам. Кристаллы соли лежали на мелких волосках запястья, блестели, как заснувшее море. Адриан коснулся губами одного, потом второго.

Лея знала, что должна отступить. Вместо этого приблизилась. Их поцелуй был сухим и солёным, солнце обжигало закрытые веки. Он поднял её на край деревянной платформы, но остановился, когда вдали появился грузовик охраны.

— Ненавижу ваших преследователей, — прошептала она.

— Они развивают выдержку.

Они ушли по узкой дамбе, пригнувшись между белыми насыпями. Рана Адриана снова открылась. Лея поддерживала его за талию и чувствовала кровь под ладонью — тёплую, солёную, почти неотличимую от моря, которое, казалось, теперь текло по венам их обоих.

Глава 9. Троллейбус до Праги

ДО ГИБЕЛИ ДАНИЭЛЯ

Даниэль вернулся на следующий вечер. Трезвый, без друзей, в простом тёмном костюме. Клуб в этот час пах потухшими сигаретами и вчерашним лаймом, а из колонок текла музыка, слишком медленная для зала, из которого все уже ушли. Заказал воду.

Лея поставила стакан.

— Пони сегодня занят?

— Он отказался иметь со мной дело.

— Разумное животное.

Третий вечер он снова пришёл. Четвёртый принёс морковь для пони, хотя пони давно увезли. На пятом попросил кофе после закрытия.

— Здесь клуб, не служба перевоспитания миллиардеров.

— Я хорошо плачу за программу.

— Именно в этом проблема. Вы думаете, что платите за всё.

Она всё-таки сварила. Кофе оказался плохим, чашка с трещиной. Даниэль пил и спрашивал о ней. Лея отвечала коротко.

— Почему работаешь здесь?

— Потому что платят.

— Могу предложить лучше.

— Вот и закончился наш разговор.

Он понял ошибку. На следующей встрече не предложил денег. Принёс список бесплатных юридических клиник.

— Я не просил своих юристов вмешиваться. Только нашёл адреса.

Лея взяла лист. Два центра уже отказали, третий оказался полезным.

Даниэль начал замечать вещи, которые раньше проходили мимо. Как она отдаёт официантке собственные чаевые за разбитый бокал. Как выводит пьяную девушку через служебный вход, чтобы фотографы не сняли. Как после смены ест холодную пищу стоя, потому что стулья уже подняты.

Однажды посетитель схватил Лею за талию. Она освободилась, охрана не вмешалась — мужчина был важным клиентом. Даниэль ударил его.

— Я сама справилась.

— Знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что впервые в жизни хотел сделать что-то не для впечатления.

Его выгнали из собственного любимого клуба. Они стояли под дождём. Лея держала лёд у его разбитой губы.

— Очень дорогой способ познакомиться.

— Ужин дешевле.

— Нет.

— Автобус?

— Что автобус?

— Поеду с тобой до конечной. Без ресторана.

Она согласилась, потому что дождь был сильным, автобус уже подъехал и возвращаться в квартиру с тараканами не хотелось.

Они сидели на последних местах. Даниэль впервые за много лет ехал общественным транспортом. Спросил, где покупать билет, и Лея смеялась так искренне, что он понял: все женщины до неё смеялись не над шутками, а над его именем.

На конечной купили две груши и вино в бумажных стаканах. Небо над депо светлело медленно и неохотно, переходя из чёрного в блёклый лиловый цвет, какой бывает только перед самым рассветом. Разговаривали до первого утреннего автобуса.

Лея не влюбилась. Но перестала видеть в нём только деньги. Для Даниэля это было больше, чем любая победа.

* * *

Даниэль пригласил Лею на ужин к Виктору, предупредив, что там будут только друзья.

«Только друзья» оказались двадцатью шестью людьми, двумя актрисами, министром без портфеля и коллекционером, державшим на поводке белого павлина. Дом стоял над городом; стены были увешаны современным искусством, похожим на последствия драки между краской и деньгами.

Лея пришла в простом чёрном платье. Хозяйка поцелова-

ла воздух у её щеки.

— Мы встречались на помолвке Армана, правда? Как ужасно всё вышло.

— Для него особенно.

— Конечно. Я имела в виду состояние.

За столом говорили о благотворительности, не называя ни одного бедного человека. Мужчины обсуждали власть как дорогой спорт, женщины — молодость как моральное достижение. Лея узнавала этот язык. Раньше сама говорила на нём свободно. Теперь слышала в нём лишь красивую пустоту — потеря научила её единственному, чему не учат в этих домах: отличать цену вещи от её ценности.

— Даниэль сообщил, что вы работаете в клубе, — сказала актриса напротив. — Должно быть, это такой опыт. Настоящая жизнь.

— Да. Особенно когда настоящая жизнь просит лёд, водку и не трогать её за талию.

Виктор рассмеялся слишком громко.

Коллекционер спросил:

— Вы планируете судиться за наследство Армана?

— У меня нет прав.

— Но есть история. Сейчас истории иногда стоят дороже прав.

Он предложил контакты журналиста. Лея поняла: её падение хотели купить как сериал.

Даниэль наблюдал, ожидая, что она попросит его прекра-

тить разговор. Лея не попросила.

— Сколько вы заплатили за павлина? — спросила она.

— Редкая порода. Двадцать тысяч.

— И всё равно он вынужден слушать вас бесплатно.

Стол взорвался смехом. Коллекционер побледнел.

После десерта хозяйка отвела Даниэля в сторону.

— Она очаровательна, но не для серьёзного. Слишком много скандала, слишком мало положения.

Лея услышала.

Даниэль вернулся к столу и поднял бокал.

— Друзья, я должен сообщить: компания Вернер закрывает все счета в банке Виктора. Слишком много положения, слишком мало серьёзного.

Наступила тишина.

Лея взяла его за руку и вывела из дома.

— Ты только что потерял сделку из-за меня.

— Нет. Из-за них.

— Не делай меня причиной своих красивых жестов.

— Тогда зачем ты улыбаешься?

— Потому что жест всё-таки был красивый.

Они спустились по длинной лестнице. Павлин закричал за воротами так, будто тоже хотел уйти. На улице Даниэль снял пиджак и накинул Лее на плечи.

После ухода из дома Виктора они не поехали к Даниэлю. Лея повела его в столовую для ночных водителей. Белые лампы, пластиковые стулья, суп в алюминиевых мисках.

— Компенсация за потерянную сделку, — сказала она.
Даниэль попробовал суп.

— Я начинаю понимать, почему бедные задают вопрос о счастье.

За соседним столом водитель узнал Лею по газетам.

— Вы та невеста, которую выгнали?

Даниэль напрягся, но Лея ответила:

— Та самая.

— Моя дочь бросила учёбу ради жениха. Можно вы с ней поговорите?

Даниэль смотрел иначе.

— Ты превращаешь унижение в работу.

— Всё должно платить аренду.

Он хотел поцеловать, но рядом чавкали водители. Лея сама наклонилась через стол.

— Что, боишься дешёвого супа?

Поцелуй вызвал свист. Даниэль поклонился залу, Лея засмеялась.

На улице он признался: Виктор предложил вернуть сделку, если Даниэль перестанет появляться с ней публично.

— И?

— Я купил его долг.

— Зачем?

— Чтобы он больше никогда не мог приглашать друзей на деньги, которых у него нет.

Ночь пахла остывающим асфальтом и чужими духами,

ещё не выветрившимися с площади. В верхнем окне человек в серебряных очках фотографировал их.

* * *

Дождь прекратился внезапно. Асфальт блестел, фонари ломались в лужах, а последний синий троллейбус стоял у остановки с открытыми дверями. Водитель курил и посматривал на часы.

Лея уже подняла ногу на высокую ступеньку, когда Даниэль схватил её не за локоть, а за край мокрого рукава.

— Не садись.

— Ты обещал ехать до конечной.

— Передумал. Я нашёл маршрут короче.

Он показал на объявление, приклеенное к столбу: потерялся рыжий кот, под фотографией кто-то детской рукой написал: «Возможно, уехал в Прагу».

— Вот, — сказал Даниэль. — Разумное животное уже выбрало направление. Нам осталось догнать.

— У тебя самолёт.

— Слишком просто. В Прагу надо ехать с рогами и искрами.

Троллейбус звякнул и ушёл без них. Лея смотрела ему вслед, сначала сердито, потом с той улыбкой, которую прятала, будто последние деньги. Даниэль усадил её на нагретый за день бордюр. Из бумажного пакета достал две груши, бутылку дешёвого вина и два стаканчика.

— Ты ограбил киоск?

— Заплатил втрое. Продавец решил, что я делаю предложение.

— Груше?

— Она надёжнее многих женщин, которых я знал.

— Тогда пей с ней.

Он вытащил пробку зубами, поморщился и налил вино. Лея сомкнула колени, удерживая подол служебного платья. Ей было неловко сидеть рядом с мужчиной, чьи фотографии печатали на деловых обложках, и одновременно странно легко. Здесь не было официантов, которые ждали его взгляда; не было подноса между ними; никто не знал её прежнюю фамилию и дату несостоявшейся свадьбы.

Даниэль надкусил грушу. Сок потёк по его пальцам. Лея засмеялась и протянула салфетку.

— Миллиардер, побеждённый фруктом.

— Ничего. Я куплю сад и уволю дерево.

Она тоже откусила. Груша оказалась песочной, сладкой, почти тёплой. Вино было терпким. На секунду Лея закрыла глаза, и город перестал быть местом её падения. Машины шли перед ними блестящей рекой, за крышами домов угадывалась вода, а в воде солнце, уже спрятавшееся за горизонтом, оставило серебристые спины рыб.

— Я должна была выйти замуж через пять дней, — сказала она.

Даниэль перестал улыбаться.

Она рассказала не всё. Только платье в пустой комнате,

приставов и мать, которая просила окончить университет. Слова выходили неровно, как пассажиры из переполненного автобуса. Даниэль не перебивал. Даже не коснулся её, пока Лея сама не положила голову ему на плечо.

За эти пять дней Лея разучилась ждать хорошего. Она считала часы до свадьбы так долго и так напрасно, что привычка осталась при ней даже без повода: теперь она ждала машинально — автобуса, зарплаты, письма от адвоката — и заранее готовилась услышать очередное «нет» вместо обещанного. Она давно перестала верить, что ожидание способно закончиться чем-то, кроме разочарования, и не собиралась делать исключение для мужчины, который мог купить весь квартал, но не смог удержать в руках даже собственную помолвку с приличиями.

— Ты ведь сейчас скажешь, что всё исправишь?

— Нет.

— Почему?

— Потому что не знаю как. И потому что ты встанешь и уйдёшь, если я снова попробую купить для тебя счастливый конец.

Следующий троллейбус подошёл через сорок минут. Двери открылись. Люди вышли связками усталых теней.

— Едем? — спросил Даниэль.

Лея покачала головой.

— Я хочу здесь.

— На бордюре?

Она посмотрела прямо на него.

— С тобой.

Он поцеловал её не сразу. Сначала убрал мокрую прядь со щеки и замер, оставляя ей целую секунду для отказа. Лея сама сократила расстояние. Его губы были терпкими от вина и сладкими от груши; её слеза смешалась с дождём на его ладони. Троллейбус звякнул и ушёл. Они остались на пустой остановке.

— А как же Прага? — прошептала Лея.

— Подождёт. Я, вообще-то, неплохо умею заставлять важные вещи ждать — спросите мой совет директоров.

Лея фыркнула сквозь непросохшие слёзы — впервые за пять дней смех не потребовал от неё быть сильнее, чем она была.

— Всё моё сейчас рядом, — повторил он уже тише, без шутки, и впервые не спрятал взгляд ни за деньгами, ни за смехом.

На другой стороне улицы мужчина в сером плаще поднял телефон и сделал снимок. Лея не заметила вспышки. Даниэль увидел, но решил, что это журналист. Через одиннадцать лет фотография окажется в архиве клиники с пометкой: «Вернер. Устойчивая эмоциональная привязанность. Женщина может быть использована как стимул».

Глава 10. Ночной поезд без билетов

До Монте-Розы не было безопасной дороги. Они забрались в товарный вагон поезда, перевозившего цветы. Всю ночь ехали среди белых лилий и красных роз, которые дрожали в ящиках от каждого поворота.

— Романтично, — сказала Лея. — Если не считать отсутствия кресел и преступления.

— Лучшие свидания обычно содержат оба недостатка.

Они устроились на мешках с землёй. Через щели в стене мелькали станции, фонари резали темноту золотыми полосами. Адриан достал хлеб, сыр и маленькую бутылку вина.

— Ты всё это украл?

— Хлеб купил.

— Остальное?

— Не будем портить редкий нравственный успех подробностями.

Лея ела, запивая из горлышка. Вино было терпким, сыр пах травой и полднем на солнце. Поезд качал, цветы наполняли вагон густым ароматом, почти одурманивающим — так пахнет украденное время, которое ещё не решило, обернётся ли оно счастьем или сожалением.

— Расскажи о первой женщине, которую любил, — сказала она.

Адриан долго молчал.

— Элен играла на пианино. Когда сердилась, путала левую руку. Погибла из-за моей работы.

— Ты до сих пор её любишь?

— Мёртвых любят иначе. Они перестают сопротивляться нашим воспоминаниям и становятся такими, какими нам удобно.

— Значит, это уже не любовь к человеку.

— Возможно. Но боль настоящая.

Лея подумала о Даниэле. Она тоже делала его идеальным после смерти: забывала ссоры, холодные ужины, голос, которым он говорил «потом». Смерть отредактировала их брак лучше любого романиста.

Поезд резко затормозил. Дверь вагона открылась. Контролёр посветил фонарём. Адриан и Лея нырнули между ящиками. Места не хватало; она оказалась на нём, колено между бёдер, губы у шеи.

Контролёр медленно шёл вдоль цветов. Свет проникал сквозь листья. Адриан держал Лею за талию, чтобы не двинулась. Но поезд качнуло, их тела прижались теснее.

Она почувствовала его желание. Он — её изменившееся дыхание.

Фонарь остановился в сантиметре от лица. Лея замерла. Контролёр сорвал розу, понюхал и вышел. Дверь закрылась. Они не разжали объятий.

— Опасность миновала, — прошептал Адриан.

— Знаю.

— Тогда почему ты не встаёшь?

— Поезд качает.

— Сейчас стоит.

Лея поцеловала его. Среди цветов поцелуй казался слишком красивым, поэтому быстро стал жадным и несовершенным. Шип розы царапнул плечо, земля пачкала платье, ящик давил в спину. Адриан остановился, когда её рука потянулась к ремню.

— Не здесь.

— Боишься цветов?

— Боюсь, что ты утром пожалеешь и возненавидишь лилии.

В товарный поезд они запрыгнули на ходу. Вагон был наполнен мешками кофе. Адриан закрыл дверь, и мир стал тёмным, тёплым, пахнущим горечью — только стук колёс да чужое дыхание в темноте, густое, как нерастворившийся кофе на дне жестяной кружки.

Лея сидела на мешке, прижимая ладонь к его ране. Колёса отбивали ритм. Где-то позади охрана проверяла вагоны.

— Если спросят, мы супруги, — сказал Адриан.

— Почему не брат с сестрой?

— Ты смотришь на меня не по-родственному.

— Самоуверенность не стареет?

— Единственный стабильный орган.

Дверь соседнего вагона открылась. Фонарь прошёл по щелям. Адриан лёг рядом, накрыл Лею своим телом и кофей-

ным брезентом. Их лица оказались в ладони друг от друга.

Охранник вошёл. Лея слышала его шаги, чувствовала вес Адриана, тепло дыхания у губ. Рука мужчины лежала на её бедре, неподвижно, но тело отвечало на близость вопреки страху.

Фонарь остановился над ними. Адриан поцеловал Лею. Не страстно — убедительно, как супруг, которого застали в неподходящем месте. Она ответила слишком настоящим движением, забыв на секунду об игре.

Охранник выругался и ушёл.

Дверь закрылась. Адриан не отстранился сразу.

— Он ушёл, — сказала Лея.

— Знаю.

— Тогда почему...

Поезд качнуло, и вопрос исчез в новом поцелуе. Теперь без свидетелей. Кофейная пыль оседала на волосах, мешки прогибались, колёса несли их через ночь. Лея почувствовала, как его осторожность уступает голоду, и сама потянула ближе.

Они остановились до конца — рана, опасность, имя Даниэля между ними. Но остаток пути лежали рядом, переплетя пальцы.

На рассвете Адриан сварил кофе в жестяной кружке над горелкой. Напиток был ужасен.

— Я думала, человек за девяносто лет научится.

— Некоторые ошибки делают жизнь узнаваемой.

Они пили из одной кружки. За окном проходили поля, и Лея впервые испугалась не того, что Адриан лжёт, а того, что однажды он скажет всю правду и исчезнет.

В соседнем вагоне ехали сезонные рабочие. Они поделились хлебом и не спросили документы. Старик играл на губной гармошке, девочка рисовала пассажиров.

Она нарисовала Адриана с седыми волосами.

— Почему старым? — спросила Лея.

— У него глаза дедушки.

Адриан спрятал рисунок в карман. Детское наблюдение увидело правду, которую технологии маскировали десятилетиями.

На станции вошла полиция. Рабочие закрыли беглецов мешками кофе. Старик сказал офицеру, что в вагоне только люди, которых никто не считает.

После проверки Лея спросила:

— Почему помогли?

— Богатые бегут с чемоданами, — ответил он. — Вы бежите с раненым человеком и без билета. Значит, либо влюблены, либо революционеры. И то и другое заслуживает хлеба.

Девочка подарила рисунок. Адриан смотрел на своё старое лицо и не отвернулся. В поезде, где никто не знал формулы, он получил самый честный портрет.

Он помог подняться. На рассвете поезд вошёл в Монте-Розу. Лея смотрела на спящего Адриана и держала в паль-

цах сломанный лепесток.

* * *

Поезд высадил их у закрытой станции. До Монте-Розы оставалось тридцать километров, дорогу размывло. На скале виднелся монастырь.

Монахини приняли их за супругов после аварии. Дали сухую одежду, суп и комнату паломников с двумя узкими кроватями.

— Здесь нельзя лгать, — сказала старая сестра Агнес.

— Тогда нам лучше молчать, — ответил Адриан.

За ужином сестра спросила, давно ли они женаты.

— Семь месяцев, — сказала Лея.

Именно столько Даниэля считали погибшим. Слова обо-жгли.

— Счастливы?

Лея посмотрела на Адриана.

— Иногда.

— Достаточно честно для брака.

Ночью шторм ударил в стены с такой яростью, что уснуть было невозможно: ветер выл в каменных желобах, дождь хлестал ставни, будто море решило подняться на скалу и забрать назад всех, кого когда-то отпустило. Лея не спала. Из часовни доносилось пение — слабое, дрожащее, но упрямое, как огонёк свечи против целого океана тьмы. Она нашла Адриана там: он сидел на последней скамье, лицо в тени.

— Ты веришь? — спросила она.

— После девяноста лет трудно не начать подозревать, что кто-то наблюдает и обладает странным чувством юмора.

— Молишься об Элен?

— Прошу не встречать пока.

Лея села рядом.

— Я молилась, чтобы Даниэль оказался жив. Потом перестала, потому что устала не получать ответ.

Сестра Агнес зажгла свечу возле алтаря.

— Молитва не договор, — сказала она. — Иногда это просто способ услышать, чего вы действительно хотите.

Когда ушла, Лея прошептала:

— Я хочу, чтобы он был жив. И хочу тебя. Эти желания не помещаются рядом.

— Помещаются. Просто причиняют боль.

Адриан взял её руку. Они не целовались в часовне. Близость возникла в том, что он не обещал разрешить противоречие.

Утром шторм отрезал дорогу. Монахини попросили помочь: Лея месила хлеб, по локоть в муке, Адриан чинил крышу и едва не упал, доказывая, что бессмертие не распространяется на черепицу.

— Ты говорил, не умеешь.

— Я обучаюсь под угрозой божественного неодобрения.

После работы они ели горячий хлеб у стены над морем. Ветер развеивал платок Леи. Сестра Агнес принесла старую книгу посетителей. В ней была запись Даниэля годичной дав-

ности: он останавливался здесь по пути на встречу с Воссом.

«Если соглашение состоится, вернусь с Леей. Она любит места, где море громче телефона».

Лея провела пальцами по почерку.

Он собирался вернуться. Не успел сказать.

Адриан отошёл, оставляя её одну с живым следом мужа. Через час дорога открылась. Лея унесла копию страницы и хлеб, который сестра завернула в ткань.

— За что молилась? — спросил Адриан у ворот.

— Чтобы верно выбрать, кого потерять первым. Ты не отведишь то же самое?

Договорить не успели. Сестра Агнес нагнала их у самых ворот — не ради прощания. Она смотрела на Адриана слишком внимательно.

— Я видела вас раньше.

— Маловероятно.

— В 1968 году. Вы привезли сюда женщину после пожара.

Лея замерла.

Адриан не стал отрицать.

В архиве монастыря сохранилась фотография: он стоял у тех же ворот, молодой и мокрый, рядом с женщиной, лицо которой было забинтовано. На обороте имя — Мира Кельн, первая выжившая после неполного извлечения.

— Где она? — спросила Лея.

Сестра Агнес показала на кладбище.

Мира прожила ещё тридцать лет, но каждую ночь теряла

один день памяти. Перед смертью оставила дневник. В нём описывались перевозки фонда и фамилия Кальдера.

— Почему ты не забрал дневник раньше?

— Я боялся увидеть, сколько она помнила обо мне.

Лея открыла последнюю страницу. «Адриан приходил каждый год. Он думал, я забываю. Я делала вид, чтобы ему было легче».

Они нашли его в часовне. Адриан стоял у окна, и впервые Лея увидела не загадочного молодого мужчину, а человека, пережившего всех, кто знал его настоящее лицо.

— Ты не обязан быть один только потому, что живёшь дольше, — сказала она.

— Я обязан не делать одиночество других ценой своей жизни.

— Тогда помоги закончить это.

Она встала рядом. Не обняла, не поцеловала. Их плечи соприкоснулись под грубой монастырской тканью.

Ночью люди Восса подожгли архив. Монахини выстроились цепью от колодца. Лея и Адриан вынесли ящики с дневниками. Сестра Агнес ударила одного нападавшего бронзовым подсвечником и сообщила, что Господь простит её после завтрака.

Дневник Миры уцелел. На рассвете они ушли по тропе над морем, неся доказательство и новую тяжесть памяти.

Дневник Миры содержал координаты радиостанции, через которую Адриан когда-то передавал предупреждения.

Станция давно закрылась, но частота продолжала работать каждую пятницу в полночь.

Они настроили монастырский приёмник. Голос перечислял номера партий и погоду — код поставок.

Сестра Агнес расшифровала быстрее Адриана.

— В войну мы слушали похожие сообщения.

Следующая партия шла на остров через праздник первого плода. Так дневник связал монастырь с маршрутом клиники.

Люди Восса подожгли архив не случайно: частота была известна, и кто-то видел прибытие Адриана. Среди монахинь находилась информатор — молодая сестра, которой фонд обещал лечение брата.

Лея не позволила изгнать её.

— Покажите, что обещание ложное. Тогда она станет свидетелем.

Маттиас нашёл брата: его уже включили в список доноров, не пациентов. Девушка передала коды островной охраны.

Перед уходом сестра Агнес дала Лее медальон. Внутри была фотография Миры после старения — лицо в морщинах, глаза ясные.

— Адриан хранил только её молодые снимки, — сказала монахиня. — Боялся увидеть, что она прожила без него.

Лея показала фотографию Адриану. Он долго держал.

— Она красивая, — сказал наконец.

— Потому что старая?

— Потому что дожила.

Он положил снимок рядом с детским рисунком из поезда. Два старых лица — реальное женщины и воображаемое его — стали талисманами пути.

Сестра Агнес перекрестила их и вложила Лее в ладонь запасной ключ от ворот — маленький, тяжёлый, отполированный сотней чужих пальцев, — точно ключи, а не молитвы, были единственной валютой, которую этот мир принимал без вопросов.

— Бога сюда не приплетайте, — сказала она. — Желания ваши. Ответ тоже ваш.

Лея улыбнулась. Адриан, проживший век между наукой и суеверием, перекрестился у ворот.

Монастырь остался гореть частично, но дневники вывезли. За спиной звонили колокола, предупреждая деревни о людях Восса.

Глава 11. Платье цвета желания

Утром Адриан вывел её к банку без вывески, где деньги выдавали по номеру ячейки, а не по подписи, — один из старых счетов фонда, про который Восс давно забыл. Следом Маттиас прислал поддельное приглашение на аукцион, и Адриан отвёз Лею к портнихе, работавшей на людей без настоящих имён.

Платье было цвета тёмного вина. Портниха затягивала ткань на талии, прикалывала шёлк у груди, а Адриан ждал за ширмой.

— Не подсматривай.

— Я врач.

— Ты лжец.

— Это не исключает образования.

Когда Лея вышла, он перестал улыбаться. Его взгляд медленно прошёл по плечам, талии, линии ноги в разрезе и вернулся к глазам.

— Слишком?

— Недостаточно брони.

Портниха засмеялась.

В машине Адриан застегнул на её шее старое ожерелье. Пальцы задержались у пульса.

— Оно принадлежало женщине, которую ты любил?

— Да.

— Где она?

— Там, куда я не умею возвращаться.

В его голосе была боль, и Лея впервые увидела за загадками не игру, а могилу.

Она повернулась и коснулась губами шрама возле его рта. Не поцеловала — только прикоснулась.

Адриан закрыл глаза.

— Это было разрешение? — спросил он.

— Это была благодарность.

— Жестокая у тебя благодарность.

Портниха заставила Лею пройти по комнате несколько раз. Шёлк обнимал бёдра, разрез открывался при каждом шаге, как тайна, которой нравилось быть замеченной.

— Мужчина должен забыть вопрос, когда вы войдёте, — сказала портниха.

— А ответ?

— Ответом будете вы.

Адриан принёс туфли. Опустился перед Леей и застегнул ремешок на щиколотке. Его пальцы двигались медленно, хотя застёжка была простой.

— Тебе удобно там внизу? — спросила она.

— Опасное положение. Женщина быстро привыкает смотреть сверху.

— Я всегда смотрю сверху.

Он поднялся. Теперь оказался совсем близко.

— Поэтому тебе так хочется однажды встретить мужчину,

рядом с которым можно закрыть глаза.

Фраза попала точнее прикосновения. Лея отвернулась к зеркалу, ища в отражении прежнюю себя и находя лишь женщину, которая слишком долго училась не хотеть.

— Ты слишком много понимаешь.

— Я слишком долго наблюдал людей.

— И что понял?

— Они называют свободой возможность получить желаемое. Но настоящая свобода начинается, когда ты можешь отказаться от него.

Лея встретила его взгляд в зеркале.

— А ты можешь?

Адриан поправил ожерелье на её шее.

— Сегодня узнаем.

Красное платье пришлось оплачивать работой — так решила сама Лея, когда Роза заикнулась о цене.

— Почему не возьмёшь деньги Адриана?

— Потому что тогда платье будет его подарком.

— А сейчас?

— Моим инструментом.

Роза одобрила и всю ночь учила её ремеслу: как спрятать нож в корсаже, микрофон в серьге и документы под подкладкой так, чтобы походка оставалась свободной. Лея поняла — женская красота веками считалась украшением именно потому, что мужчины редко проверяли швы. В таком платье можно было пронести целую революцию.

Монте-Роза встретила их витринами, в которых женщины выглядели богаче своих надежд. До аукциона оставалось шесть часов. Адриан снял номер в гостинице напротив казино и разложил на кровати приглашения, планы залов и маленький пистолет.

— Серафина будет в синем салоне в одиннадцать. Ты отвлечёшь Вельта, я заберу её телефон.

— Почему я?

— Потому что Вельт коллекционирует красивых вдов и чужие компании.

— А ты коллекционируешь что?

Адриан посмотрел на неё.

— Причины пожалеть о бессмертии.

Платье принесли в длинной коробке. Красный шёлк, открытые плечи, разрез по бедру. Лея провела по ткани ладонью и почувствовала себя преданной собственной кожей: ей хотелось надеть его.

— Слишком ярко.

— Именно.

— Я семь месяцев носила чёрное.

— Чёрное сообщало миру, что ты принадлежишь смерти. Сегодня пусть мир ошибётся.

В ванной Лея долго стояла под водой, такой горячей, что кожа краснела, а пар оседал каплями на кафеле, как первый дождь после долгой засухи. Смывала дорожную пыль, кровь с ладони, невидимый запах больницы, которого не бы-

ло, но который преследовал после исчезновения Даниэля. Когда вышла, Адриан завязывал галстук у зеркала.

— Отвернись.

Он отвернулся. Лея надела платье, но молния застряла у поясицы.

— Помоги.

Адриан подошёл сзади. Его пальцы коснулись голой спины. Застёжка поднялась медленно, зубец за зубцом, будто он закрывал дверь, за которой хотел остаться. В зеркале их глаза встретились.

— Красиво? — спросила она.

— Опасно.

— Для Вельта?

— Для моего плана.

Лея повернулась. Красный шёлк шуршал между ними. Она поправила ему галстук, затянула чуть сильнее необходимого.

— Если я должна соблазнить старика, мне нужна репетиция.

— Это плохая идея.

— Ты прожил достаточно, чтобы узнавать их заранее?

— Почти все хорошие идеи сначала выглядят плохими.

Она прижалась губами к его губам, но не позволила ответить. Отступила и увидела, как тщательно он сохраняет спокойствие.

— Недостаточно убедительно, — сказал Адриан.

Он притянул её обратно. Поцелуй стал медленнее, глубже, лишил комнату воздуха. Лея почувствовала край стола под ладонями, его бедро между своих ног, горячую руку на открытой спине. Ей нравилось, что она начала игру; ещё сильнее — что перестала управлять ею.

В дверь постучали. Посыльный принёс маски для бала.

Адриан отступил. Лея стояла у стола с закрытыми глазами и слушала, как за дверью обсуждают чаевые, будто её тело только что не стало отдельной планетой.

— Репетиция окончена? — спросила она, когда посыльный ушёл.

— Нет. Отложена до момента, когда за нами не будут охотиться.

— Тогда никогда.

В казино Вельт действительно не сводил с неё глаз. Он оказался моложе фотографии — гладкая кожа, густые волосы, но пальцы дрожали старческой мелкой дрожью. Лея танцевала с ним и чувствовала взгляд Адриана из-за колонны.

— Вы похожи на женщину, которая многое потеряла, — сказал Вельт.

— А вы — на мужчину, который многое купил.

— Потери тоже можно исправлять. Фонд умеет возвращать молодость, память, иногда даже любовь.

— Любовь нельзя вернуть процедурой.

— Напротив. Достаточно изменить того, кого женщина помнит.

Его слова были произнесены легко, но внутри Леи распахнулась ледяная дверь. Исчезновение Даниэля не было ни наказанием, ни случайностью. Он стал материалом для технологии, способной подарить ей другого мужа.

На балу платье открыло им дверь к Вельту и его карте — Лея скопировала её, пока он смотрел на разрез, не замечая ничего другого.

Адриан заметил и разрез, и карту, и дрожь после.

— Тебе было страшно?

— Очень.

— Не выглядело.

— В этом и работа платья.

* * *

Лея ждала Адриана на площади Санта-Марелла сорок семь минут — не так много для целой жизни и слишком много для женщины, которая давно разучилась верить обещаниям вернуться.

Утренний дождь отполировал мостовую. Лужи лежали между камнями тонкими зеркалами, и Лея шла по ним легко, почти по-детски, перескакивая с одного сухого островка на другой. На ней было красное платье из мастерской Розы, поверх — серое пальто мужчины, которого она ещё не решила простить.

Адриан должен был принести паспорт человека, умершего в 1958 году и продолжавшего покупать лекарства в прошлом месяце. Вместо него пришло молчание.

Лея заходила в кафе, возвращалась к фонтану, считала удары часов. В одиннадцать двадцать заметила чёрную машину, уже третий раз проехавшую вокруг площади.

Она не побежала. Женщина, которая бежит, признаётся в страхе раньше, чем понимает направление пули.

Лея сняла пальто и пошла медленно. Красная ткань двигалась вокруг ног, отражалась в лужах алыми вспышками. Мужчины за столиками поворачивали головы. Продавец цветов забыл подать сдачу и окликнул её только у моста.

Чёрная машина остановилась.

Лея свернула к рынку. Под прилавками пахло рыбой, лимоном и мокрой верёвкой. Она увидела в витрине отражение: двое мужчин вышли следом.

— Красиво идёшь, — раздался голос у самого уха.

Адриан взял её под руку, не замедляя шага. На нём была льняная рубашка торговца, в другой руке — корзина персиков.

— Ты опоздал.

— Меня пытались убить.

— Это не оправдание для мужчины.

— Цветы подойдут?

Он сунул ей пучок базилика. Лея засмеялась от облегчения так громко, что преследователи сразу поняли: это он.

Началась погоня.

Адриан опрокинул тележку с апельсинами. Золотые шары покатались под ноги мужчинам. Лея швырнула одному кор-

зину, второму ударила каблуком по колену. Они мчались через рынок, скользили по рыбьей чешуе, ныряли под полотнища, разрывая воздух запахами мяты, дыма и спелых персиков.

У набережной дорогу перекрыла свадебная процессия. Невеста в белом шла под зонтом, музыканты играли слишком весёлый марш. Лея замерла: на секунду увидела себя пять лет назад — платье в комнате, дату, Армана, жизнь, которая закончилась до алтаря.

Адриан заметил её остановку.

— Лея.

Пуля разбила вазон рядом. Он обхватил её за талию и вместе с ней прыгнул с парапета.

Вода приняла их холодным ударом. Красное платье раскрылось вокруг Леи огромным цветком. Она всплыла, задыхаясь, волосы облепили лицо, солнце заиграло в каплях на ресницах. Адриан вынырнул рядом и смотрел так, будто забыл о стрелявших. Море не разбирало, кто убегает от пуль, а кто — от собственного благоразумия; оно просто держало обоих на плаву.

— Что?

— Ничего. Просто мир на секунду остановился.

— Он стреляет в нас, идиот.

— Даже мир может быть невоспитанным.

Они спрятались под причалом. Над головами грохотали шаги. Адриан достал из-за пояса непромокаемый пакет.

Внутри лежал паспорт. Фотография изображала его самого. Имя было другим. Дата рождения — 1928 год.

Лея перестала дрожать от холода.

— Тебе девяносто восемь.

— Почти девяносто девять.

— И ты решил рассказать мне под мостом, пока нас убивают?

— Я рассчитывал на кафе.

Лея смотрела на молодое лицо рядом. Вода стекала по его скулам, губам, шее. Красивый мужчина, которого желало её тело, внезапно стал дверью в целый век лжи.

Она могла отшатнуться. Вместо этого схватила его за ворот и поцеловала — зло, испуганно, требовательно. Не прощая. Проверяя, живой ли он под невозможной датой.

Адриан ответил, прижимая её к скользкой свае. Над ними бегали убийцы, рядом покачивались лодки, а Лея чувствовала соль на его губах и собственный пульс, быстрый, как шаги по мостовой.

— Теперь рассказывай, — сказала она.

И он начал.

Глава 12. Кофе из одной чашки

ДО ГИБЕЛИ ДАНИЭЛЯ

Через месяц хозяин квартиры выставил вещи Леи в коридор. Она вернулась после смены и увидела чемодан, пакет книг, пальто на полу. По стене над ними полз таракан, будто тоже решил переехать.

— Долг за две недели, — сказал он. — Завтра придут другие.

Лея взяла чемодан. Позвонить было некому.

Даниэль ждал у клуба. Увидел багаж и понял.

— Поедем ко мне.

— Нет.

— В гостиницу.

— Нет.

— Тогда куда?

— Не твоя проблема.

Он впервые не стал спорить. Просто шёл рядом до вокзала. Лея села в зале ожидания. Даниэль купил два билета на ночной поезд в соседний город.

— Зачем?

— В купе можно спать. Утром вернёмся. Это транспорт, не благотворительность.

— Ты купил всё купе.

— Не умею экономить сразу.

Она согласилась.

В поезде было тепло. Лея сняла туфли, ноги в пластырях. Даниэль молча принёс таз с водой из проводнической. Опустился перед ней и начал снимать пластыри.

— Не надо.

— Знаю.

— Тогда почему?

— Потому что хочу.

Он мыл её ступни не эротично и не униженно — внимательно. Его деньги не могли решить нужное быстрее рук.

Лея коснулась волос.

— Ты всегда спасал женщин поездами?

— Обычно отправлял после утра на машине.

— Честно.

— Ты первая, перед кем хочется быть честным до того, как поймают.

Они спали на разных полках. Утром Даниэль предложил работу в своей компании — не помощницей, а руководителем клиентского сервиса.

— Я не стану твоей содержанкой.

— И не предлагаю. Зарплата ниже, чем ты заслуживаешь, потому что совет решит, что я сошёл с ума.

Лея отказалась. Но согласилась на комнату в квартире его сестры за обычную аренду. Даниэль подписал договор как поручитель и не погасил долг без разрешения.

Именно это стало первым настоящим подарком: он мог

купить выход, но позволил Лее пройти самой.

После ночного поезда Даниэль отвёз Лею не в гостиницу, а на пустующий катер у пристани. В каюте было тесно, пахло деревом, бензином и старым морем — тем особым запахом, что остаётся в дереве после тысяч чужих отплытий. Дождь стучал по обшивке ровно, как метроном, отсчитывающий что-то, чему они ещё не знали названия. Он отдал ей единственную сухую рубашку и остался на палубе под дождём.

Лея долго не могла уснуть. Вышла босиком. Даниэль сидел у штурвала, мокрый до кожи.

— Ты можешь зайти.

— Там одна койка.

— Ты уже мыл мне ноги. Репутация потеряна.

Он лёг у стены, оставив между ними расстояние. Катер покачивался, верёвки скрипели. Лея чувствовала тепло его тела, но сильнее — усилие, с которым он не приближался.

— Ты всегда получал женщин сразу? — спросила она.

— Обычно быстрее, чем успевал узнать фамилию.

— А меня почему ждёшь?

— Потому что с тобой впервые хочется помнить утро.

Она повернулась. Провела пальцем по разбитой губе. Даниэль закрыл глаза, но не поцеловал. Тогда Лея сама коснулась его губ — коротко, почти вопросом.

Катер ударился бортом о причал. Их тела качнуло друг к другу. Поцелуй стал глубже, рубашка Леи распахнулась у

шей. Она остановила его руку на талии.

— Сегодня только так.

— Так тоже много.

Они уснули лицом друг к другу. Утром дождь закончился, а на подушке между ними лежала ладонь Даниэля — открытая, ничего не требующая.

Через год суд оправдал отца от прямого участия, дом всё равно ушёл банку. Лея уже не вернулась. К тому времени у неё была работа, собственный счёт и мужчина, который учился спрашивать прежде, чем спасать.

* * *

Квартира сестры Даниэля была свободна до конца месяца. В ней пахло закрытыми окнами, дорогим мылом и чужой жизнью, в которую разрешили войти ненадолго. Лея поставила чемодан в спальне, выстроила обувь вдоль стены и трижды перечитала договор аренды.

— Здесь написано, что я могу расторгнуть его в любое время, — сказала она.

— Да.

— И ты не сможешь войти без моего разрешения.

Даниэль показал обе ладони.

— Ключ только у тебя.

— А запасной?

— У консьержа. В конверте. Можешь проверить печать.

Она проверила печать на конверте — нетронутую, аккуратную, будто Даниэль сам боялся получить власть над этой

дверью раньше времени. Потом рассердилась на себя: раньше Лея подписывала документы, не читая, потому что Арман говорил, где поставить имя. Теперь одно слово «ключ» заставляло сердце биться быстрее — впервые в жизни ей предлагали не запереться от мира, а впустить в него одного человека.

Даниэль ушёл. Не задержался в дверях, не попросил награды за порядочность. Это почему-то растрогало сильнее подарков.

Утром Лея проснулась от царапанья. На подоконнике сидел рыжий кот — толстый, мокрый, с белой грудью, похожей на плохо завязанный галстук. Он смотрел в окно напротив, где на карнизе топтался голубь.

— Что, почта пришла? — спросила Лея.

Кот коротко мяукнул.

Голубь наклонил голову, будто требовал ответ. Кот обернул лапы хвостом и принял вид чиновника, который не обсуждает государственные тайны до завтрака.

В дверь позвонили. Лея накинула халат и увидела Даниэля с двумя стаканами кофе и бумажным пакетом.

— Ты не имеешь права приходить без звонка.

— Я звонил семь раз.

Она посмотрела на разряженный телефон.

— Тогда имеешь право постоять в коридоре.

Кот протиснулся между её ног, обнюхал Даниэля и сел ему на ботинок.

— Предатель, — сказала Лея.

— Он чувствует капитал.

— Он чувствует ветчину.

В пакете действительно была ветчина, хлеб и манго. Даниэль попытался приготовить завтрак, обнаружил, что не знает, где у сестры лежат ножи, порезал палец и залил соком белую столешницу. Лея сначала командовала, потом отобрала фрукт и сама разрежала его неровными ломтями.

Сок побежал по запястью — тёплый, золотой, пахнущий летом, которого в этом городе никогда не было. Даниэль поймал каплю губами прежде, чем она успела вытереть руку. Прикосновение было коротким, почти невинным, но тело Леи вспомнило ночь в поезде и тёплую воду на ступнях. Она замерла.

— Не превращай завтрак в переговоры, — сказала тихо.

— Я предлагаю только кофе.

Один стакан оказался пустым: по дороге Даниэль выпил свой. Лея сделала глоток и поставила кофе между ними. Он взял тот же стакан. Они пили по очереди, сидя на полу у окна, потому что мебель сестры была накрыта чехлами.

Рыжий кот улёгся между ними животом вверх. Голубь за стеклом сердито стучал клювом.

— Кажется, у него там невеста, — сказала Лея.

— И сложные отношения.

— Все хорошие отношения сложные?

Даниэль задумался.

— Нет. Но все живые иногда странные. Важно, чтобы странность была понятна двоим.

Лея посмотрела на него поверх стакана. У этого мужчины были самолёты, охрана, дома и десятки способов сделать её зависимой. Но сейчас он сидел на полу, кормил чужого кота и ждал разрешения коснуться её колена.

Она сама положила его ладонь туда.

В окне напротив показалась женщина в меховом халате и махнула голубю. Птица вспорхнула. Кот проводил её взглядом и тяжело вздохнул.

— Видишь, — сказал Даниэль. — Даже у него утро сложнее нашего.

Кот остался у Леи официально на три дня и неофициально навсегда. Даниэль купил ему домик размером с небольшую гостиницу. Кот осмотрел подарок и лёг в картонную коробку.

— Первый член семьи, которого нельзя впечатлить деньгами, — сказала Лея.

— Второй.

Она сделала вид, что не услышала.

По утрам Даниэль приезжал с кофе, но однажды Лея не открыла. Телефон молчал. Он нашёл её в больнице: на работе упал поднос, осколок рассёк ладонь. Травма была маленькой, страх Даниэля — непропорциональным.

— Я думал...

— Что?

Он не сказал: что она исчезла, как женщины исчезали из его жизни, едва становилось неудобно. Вместо этого потребовал лучшего хирурга.

Лея отказалась от частной палаты, но позволила отвезти домой. Даниэль мыл посуду одной рукой, потому что второй держал кота, мешавшего всему.

— Зачем держишь?

— Он страдает.

— Он украл курицу.

— От чувства.

Вечером Лея попросила расчесать волосы. Раненой ладонью не получалось. Даниэль стоял сзади и осторожно проводил щёткой от концов вверх, распутывая каждую прядь. Это было интимнее поцелуя: действие, которое нельзя ускорить деньгами.

— Мама делала так, — сказала Лея.

— Я плохо заменяю маму.

— Ты плохо заменяешь всех. Поэтому оставайся собой.

Он поцеловал перевязанную ладонь. Кофе снова остыл в одной чашке.

Их годы не были длинной рекламой счастья. В первый год Даниэль всё ещё пытался решать любовь банковским переводом. После ссоры присылал серьги, после опоздания — билеты на остров, после собственной грубости — ключ от машины. Лея возвращала коробки и оставляла записки: «Мне нужен ты, а не доказательство твоей платёжеспособ-

ности».

Он злился, потому что деньги были языком, на котором он не заикался. Извинение без подарка делало его безоружным. Однажды пришёл к её двери с пустыми руками и простоял десять минут, не решаясь позвонить. Лея наблюдала через глазок, видела, как человек, способный купить весь подъезд, репетирует слово «прости», и открыла только после третьей попытки.

— У меня ничего нет, — сказал он.

— Наконец-то.

Они учились быту, как иностранному языку. Даниэль путал режимы стиральной машины и однажды превратил белые рубашки в нежно-розовые. Лея не умела планировать расходы и купила старинное зеркало в неделю, когда надо было менять трубы. Они спорили, смеялись, хлопали дверями, а потом сидели на полу среди мокрых полотенец и составляли правила, которые нарушали к следующей пятнице.

По воскресеньям телефон лежал в деревянной коробке. Никаких сделок, интервью и людей, называвших их идеальной парой. Они ездили на троллейбусе до конечной, брали дешёвую пиццу и вино в бумажных стаканчиках. Даниэль говорил, что богатство — это возможность выбрать любой маршрут. Лея отвечала: настоящее богатство — не захотеть сбежать с того, который уже выбрал.

За окном шёл ровный, обыденный дождь. В одно такое дождливое утро она проснулась от его голоса. Он разговари-

вал с рыжим котом, сидевшим на подоконнике.

— Не смотри так. Она сама заняла всю кровать.

Кот вытер лапой усы и повернулся к голубю за стеклом. Голубь покачал головой, будто осуждал их образ жизни. Лея не открывала глаз, слушала, как Даниэль варит кофе, ругается на турку и босиком возвращается в спальню. Он сел на край, она обняла его бедро ногой, и чашка опасно накренилась.

— Когда-нибудь ты меня ошпаришь.

— Зато умрёшь любимой.

— Очень коммерческое предложение.

Он пил первым, она забирала чашку, оставляя на краю след помады. Вторая остывала нетронутой.

Они всё равно ссорились. Даниэль пропадал на работе, Лея молчала и ждала, что он догадается. Иногда не догадывался. Тогда она бросала чашку в раковину слишком громко, он возвращался из прихожей и спрашивал: «Что я опять пропустил?»

Ожог от ручки турки. Шерсть на чёрном пальто. Дешёвая пицца. Её ступни у него на коленях.

Лея засмеялась. В тот день они ничего не решили — и, может быть, именно в этом было решение. Хлеб кончился, кофе остыл, солнечный прямоугольник медленно ушёл со стены, оставив после себя только тёплый воздух и две пустые чашки.

Глава 13. Вилла человека без возраста

Перед аукционом им требовался образец крови Вельта. Он жил на вилле над казино, и каждый вечер закрытый бассейн подсвечивался снизу бирюзовым светом — будто в доме держали взаперти кусок моря, чтобы старость не забыла, как оно выглядит. Там он и плавал.

Лею выбрали не из-за внешности. По гостевым спискам она восстановила привычки Вельта, заметила, что персонал менялся каждый четверг, и подделала рекомендацию единственного массажиста, которому он доверял. Адриан мог добыть образец силой; только Лея могла войти так, чтобы Вельт сам остался без охраны.

Лея вошла туда под видом массажистки. Адриан остался в фургоне, слушая через серьгу-передатчик.

— Если он коснётся тебя...

— Массаж подразумевает прикосновения.

— Я имел в виду иначе.

— Ревнуешь?

— Профессионально беспокоюсь.

— Очень убедительно, муж.

Вельт лежал на столе, тело молодое, кожа без единого пятна. Но когда Лея провела ладонью по спине, почувствовала

под лопатками жёсткие старые узлы и следы десятков портов для инъекций.

— Сильнее, — сказал он.

— В вашем возрасте осторожность полезнее.

Он повернул голову.

— Каком возрасте?

Лея улыбнулась и продолжила. Ей нужно было достать волос с корнем или кровь. На столике лежала бритва. Она сделала вид, что открывает масло, и порезала палец Вельта краем стекла.

— Простите.

Капля появилась яркая, молодая на вид. Лея промокнула салфеткой и спрятала в рукав.

Вельт схватил её запястье.

— Вы не массажистка.

В сереге голос Адриана стал холодным:

— Лея, северное окно. Сейчас.

Она вывернулась, ударила Вельта локтем и побежала. Охрана перекрыла коридор. Лея прыгнула в бассейн, проплыла под стеклянной стеной и выбралась на террасу.

Адриан ждал внизу на мотоцикле. Она спрыгнула со стены прямо ему за спину, мокрая, в прилипшем белом халате.

— Едем!

Мотоцикл сорвался вниз по серпантину. Лея обняла Адриана, прижалась грудью к спине. Погони пока не было, но он не сбавлял.

— Ты специально едешь быстро?

— Профессионально беспокоюсь.

В старом тоннеле они остановились. Лея достала салфетку с кровью. Адриан посмотрел на её мокрое тело, потом заставил себя смотреть на образец.

— Получилось.

— И всего один мужчина трогал меня голой.

— До аукциона ещё четыре часа. Не провоцируй.

Она сняла халат и выжала. Под ним осталось тонкое бельё. Адриан отвернулся и протянул куртку.

— Девяносто лет дисциплины, — сказала Лея. — Какая скука.

— Дисциплина существует только рядом с тем, чего очень хочется.

На вилле, которую Адриан больше тридцати лет держал под чужим именем на случай именно такой ночи, не было семейных фотографий. Только картины, книги и предметы разных эпох: авиационные очки, граммофон, первый мобильный телефон, афиша концерта 1936 года. В воздухе стоял ровный запах пыли и воска, как в музее, который никто не открывал для посетителей.

Лея ходила по комнатам, как по музею одного тела.

— Где твоя жизнь?

— Перед тобой.

— Это вещи. Где люди?

Он открыл шкаф. На внутренней стороне двери были при-

клеены снимки: Элен, Мира, солдаты, врачи, дети, которых он когда-то спас. Все старели от фотографии к фотографии. Адриан — нет.

— Я прятал их не от чужих, — сказал он. — От себя. Каждое утро молодое лицо убеждает, что можно начать сначала. Эти люди напоминают: нельзя.

Лея нашла фотографию Даниэля в палате. На обороте рука Адриана написала: «Не извлекать. Перенос».

— Ты спас его раньше, чем встретил меня.

— Да.

— Почему?

— Он называл твоё имя. Я вспомнил Элен.

Лея прижала снимок к груди. Гнев и благодарность смешались так тесно, что невозможно было выбрать одно.

Ночью она пришла в его комнату. Не разделась. Легла рядом поверх покрывала.

— Я не прощаю.

— Знаю.

— И не обещаю.

— Знаю.

— Просто не хочу сегодня быть одна.

Адриан погасил свет. Они лежали рядом, не касаясь, пока во сне Лея сама не нашла его руку. Утром пальцы оставались переплетены — маленькая неправда тела, которое выбрало близость раньше сознания.

Она надела куртку на голое тело. По дороге к гостинице

сидела впереди, между его руками, и чувствовала, как каждое переключение скорости становится обещанием вечера.

* * *

После побега с виллы мотоцикл заглох под ливнем. Они укрылись в домике смотрителя маяка на самом мысу. Внутрь были печь, стол и кровать под толстым шерстяным одеялом; крыша кое-где пропускала воду, и шторм запирали их здесь надёжнее любого замка.

Лея дрожала в мокром белье, завернувшись в шерстяное одеяло. Адриан вышел под дождь за дровами и вернулся с волосами, прилипшими к лицу, дрожащий сильнее, чем позволяла погода, — дрожь без препарата выдавала слабость, которую он обычно скрывал.

— Салфетка с кровью цела? — спросил он, прежде чем заняться собой.

Лея достала из внутреннего кармана. Образец не намок.

— Тогда операция успешна.

— А пациент замерзает.

— Сними всё, — сказала она. — Заболеешь.

— Очень поздняя забота о здоровье.

Он разделся у печи. Тело было крепким, но дрожь не проходила. Лея подошла, растёрла ему плечи полотенцем — запах мокрой кожи, дыма и моря наполнил тесную комнату.

— Ты опять дисциплинирован? — спросила она, отступая на шаг раньше, чем прикосновение стало бы вопросом, а не заботой.

— Ты только что позволяла другому мужчине касаться себя ради задания. Не хочу, чтобы наша близость стала способом стереть его руки.

— Вельт не оставил на мне ничего, кроме отвращения.

— Тело не всегда различает смысл прикосновения.

Лея сняла куртку. Огонь лёг на кожу золотом.

— Тогда помоги ему различить.

Адриан смотрел долго. Потом медленно провёл ладонью от плеча до запястья.

— Это моё прикосновение, — сказал он. — Ты можешь остановить в любой момент.

— Не хочу.

Он целовал места, где лежали руки Вельта, не как собственник, стирающий чужое, а как человек, возвращающий ей ощущение выбора. Лея закрыла глаза. Гром погасил лампу. Дождь бил по крыше, печь гудела.

Они легли под одеяло. Близость началась нежно, но страх погони ещё жил в крови и быстро превратил нежность в голод. Лея захотела вести, Адриан позволил, затем одним движением поменял их места. Она рассмеялась, потом смех исчез в дыхании.

— Скажи, если слишком, — попросил он.

— Слишком мало.

Домик пах шерстью, дымом и мокрой кожей. Лея чувствовала каждую щель старой кровати, каждый порыв ветра, его ладони, холодную каплю, упавшую с потолка на спину. На-

слаждение пришло не как побег от отвращения, а как доказательство, что тело всё ещё принадлежит ей и может выбирать удовольствие.

После Адриан лежал у её живота, слушая сердце.

— Ты считаешь удары?

— Привычка врача.

— И сколько?

— Достаточно для ещё одной ошибки.

— Это ошибка? — спросила она уже сама, тише.

— Ошибка — слово для того, что хочется отменить.

— А ты хочешь?

— Сейчас нет.

Они заснули. Утром шторм ушёл, и море лежало ослепительно спокойным. На пороге лежала мёртвая птица, разбившаяся о стекло ночью. Адриан молча похоронил её под маяком, прежде чем Лея успела спросить зачем. Позже она подумала, что за этим быстрым, будничным жестом крылась целая жизнь: человек, который слишком много раз хоронил тех, кого любил, разучился медлить с прощанием.

— Ты хоронишь всех? — спросила она вслед.

— Не всех успеваю.

Лея вышла босиком и обняла его сзади.

Глава 14. Закрытая баня

После шторма одежда не высохла. В деревне они нашли старую баню, закрытую на ремонт. Хозяин пустил за деньги и предупредил: воду отключат через час.

Внутри пахло эвкалиптом, горячим камнем и мылом. Пар спрятал стены. Лея сняла мокрую одежду за полотнищем и вошла в бассейн.

Адриан остался у двери.

— Ты снова дисциплинирован?

— После домика мне нужно восстановить репутацию.

— У кого?

— У себя.

Лея нырнула. Вода была горячей, волосы разлетелись во-круг. Она подплыла к краю, протянула руку.

— Иди. Я не прошу обещаний.

Он разделся и вошёл. Шрамы в паре казались светлыми письменами. Лея провела по круглому следу над сердцем.

— Первая процедура?

— Порт ввода. Раньше иглы были крупнее.

— Ты говоришь о бессмертии как о старой сантехнике.

— Всё великое быстро становится обслуживанием.

Она поцеловала шрам. Адриан вздрогнул.

В бассейне близость была медленной. Вода поддерживала тела, пар скрывал лица. Лея позволяла ему вести, затем са-

ма меняла движение. Без погони желание оказалось глубже, спокойнее, почти опаснее: нельзя было объяснить адреналином. Оказалось, что любовь без страха перед пулей пугает сильнее — тогда некого винить, кроме собственного сердца.

— Смотри на меня, — сказал он.

— Опять?

— Хочу знать, что ты здесь.

Она смотрела, пока удовольствие не заставило закрыть глаза. Он не потребовал открыть снова — просто держал, когда волна прошла.

После они лежали на деревянной скамье под одной простынёй. С крыши капала вода.

— Если бы Даниэль был жив, — спросила Лея, — ты рассказал бы ему?

— Если бы ты попросила.

— А сам?

— Я не имею права исповедоваться чужому мужу твоим телом.

Ответ понравился и испугал.

Дверь снаружи хлопнула раньше обещанного часа. Люди Восса вошли в баню. Лея и Адриан метнулись в парную — тела прижались между стеной и горячей печью, пар стоял настолько густо, что охрана видела только силуэты за стеклом.

Адриан держал ладонь у её рта. Лея поцеловала его пальцы. Его взгляд изменился. Простыня соскользнула с плеча.

Шаги остановились у самой двери. Лея чувствовала одно-

временно жар печи, холод страха, собственное сердце, бывшее громче, чем казалось безопасным, и его руку на талии. Поцелуй случился в этом густом паре — медленный, почти бесшумный, чтобы не вернуть охрану. Лея вела его ладони, выбирая прикосновения сама. Они остановились раньше полного соединения: опасность оставалась в двух шагах, а желание стало обещанием следующей безопасной минуты.

Когда патруль наконец ушёл, Адриан открыл клапан парной — облако вырвалось в коридор и сработала тревога уже для отвода глаз. Они выбежали через окно, завернувшись в простыни, и по улице шли босиком, мокрые, смеющиеся, пока хозяин бани кричал вслед о полотенцах.

— Добавь к счёту, — крикнул Адриан.

— На какое имя?

— На имя людей, которые наконец помыли совесть, — ответила Лея.

На выходе она успела заметить под лавкой в предбаннике забытый браслет клиента фонда. Внутри был зашит код нижней лаборатории.

* * *

Кабриолет им оставила Роза на условленном повороте прибрежной дороги — так же, как раньше документы и снаряжение. Жёлтый, неприлично заметный, пахнущий чужим дорогим табаком.

— Чей он? — спросила Лея, устраиваясь на пассажирском сиденье.

— Одного из водителей Вельта, — ответил Адриан, читая записку Розы на приборной панели. — Она пишет, что он слишком долго торговался о цене за молчание.

— Значит, не украла, а купила втридорога?

— Роза называет это «оптимизацией расходов клиента».

На заднем сиденье лежала сумка с сухой одеждой и деньгами — Роза не в первый раз забирала их из передрыги в чужих полотенцах и простынях.

До Монте-Розы оставалось сорок минут, когда дорогу перекрыли.

Адриан свернул на старую прибрежную трассу. Машина неслась между скалой и морем, колёса срывали мелкие камни в пропасть. Лея держалась за дверь, платье цвета вина было задрано выше колен, ветер бил по обнажённым бёдрам.

Погоня отстала у заброшенного тоннеля. Адриан заглушил мотор. В темноте слышались только их дыхание и остывающий металл.

— Ты нарочно угнал машину без крыши?

— Хотел, чтобы платье производило впечатление не только на меня.

Лея ударила его по плечу. Он поймал запястье, не удерживая, — задержал на секунду дольше необходимого.

— Отпусти.

Он разжал пальцы.

Страх ещё дрожал в крови, смешиваясь с чем-то более тёплым, но прежде, чем это тепло успело стать решением, в

конце тоннеля вспыхнули фары.

Адриан завёл двигатель. Машина рванула вперёд. Ветер ворвался в тоннель, преследователи снова возникли позади. Из окна показалась рука с пистолетом.

— Пригнись!

Стекло заднего фонаря разлетелось. Лея нашла в бардачке сигнальную ракету.

— Это поможет?

— Если умеешь стрелять.

— После вчерашнего я быстро учусь.

Она встала коленями на сиденье. Ветер бил в лицо, волосы закрывали глаза. Лея прицелилась не в людей — в старую сетку над склоном, удерживавшую камни. Ракета ударила в крепление. Сетка лопнула, на дорогу посыпался щебень. Машина преследователей вильнула и остановилась поперёк трассы.

Адриан посмотрел на неё с восхищением, которое было откровеннее любого комплимента.

— Напомни никогда тебя не бросать.

— Поздно. Один мужчина уже попробовал.

Слова погасили смех. Лея отвернулась к морю.

Они остановились у заброшенной заправки. Адриан осмотрел машину, Лея купила у старика две бутылки лимонада и пакет засахаренных долек манго. Фрукт прилипал к пальцам, пах летом и слишком простой радостью. На вкус в нём не было ни заговоров, ни ампул — только сахар и солн-

це, украденные у обычной жизни.

— Попробуй.

— Не люблю сладкое.

Она вложила дольку ему в рот. Адриан послушно укусил, и сахар остался на его нижней губе. Лея сняла крупинку языком. Он замер.

— Ты жестокая женщина.

— Почему?

— Машина сломана, гостиница далеко, а ты продолжаешь репетицию.

— Можно закончить здесь.

За заправкой стоял старый гараж. Внутри пахло маслом, нагретой резиной и сухой травой. Адриан закрыл дверь, но не подошёл.

— Лея, я хочу услышать это не после выстрелов.

Она почувствовала раздражение — и уважение. Он мог воспользоваться её дрожью, но требовал ясности.

Лея медленно сняла серьги и положила на верстак. Потом расстегнула одну пуговицу его рубашки.

— Я хочу тебя не потому, что за нами гонятся. Они просто научили меня не откладывать.

Адриан провёл пальцами по её щеке.

— А завтра?

— Завтра я могу пожалеть.

— Это честно.

Он поцеловал её, но телефон в кармане завибрировал. На

экране высветилось изображение из казино: Вельт выходил через служебный вход вместе с Серафиной.

Адриан прислонился лбом к её лбу.

— Ненавижу работу.

— Я тоже. Особенно твою.

Они снова оделись, не закончив начатого. Прежде чем сесть в машину, Адриан откупорил забытую в бардачке бутылку шампанского — трофей прежнего хозяина — и протянул ей отпить первой.

— За что пьём? — спросила Лея.

— За плохие планы, которые почему-то работают.

Тёплое шампанское отдавало металлом и чужой удачей, но в ту минуту это было лучшее, что пробовала Лея за долгие месяцы страха. Они выпили по глотку прямо из горлышка. Адриан вытер горлышко большим пальцем и передал бутылку Лее ещё раз.

Глава 15. Первая любовь Даниэля

ДО ГИБЕЛИ ДАНИЭЛЯ

На курсы Лея пришла раньше всех, когда в аудитории ещё пахло мелом и вчерашним воском для полов. На столе лежала тетрадь, купленная на распродаже, и ручка с логотипом отеля Армана. Она долго смотрела на золотые буквы, блесившие, как последний след прежней жизни, потом закрасила их чёрным маркером.

Преподаватель попросил составить бюджет маленькой гостиницы. Лея знала, сколько стоит французское шампанское, но не представляла цену киловатта. Девушка рядом шепнула цифру.

— Спасибо.

— Не за что. Я не знаю, как складывать салфетки лебедем.

Первую стажировку она получила в гостинице у вокзала. В шесть утра надо было проверить двадцать два номера, принять бельё, успокоить семью, потерявшую билеты, и объяснить группе туристов, почему море не видно из окна, хотя в рекламе написано «прибрежный район».

К полудню у неё болели ноги. В час сломался лифт. В два приехал инспектор. В три в номере сорок один нашли голубя.

Лея поймала птицу полотенцем и вынесла на крышу.

— Лети в Прагу, — сказала она.

На пожарной лестнице сидел Даниэль с кофе.

— Ты следишь за мной?

— Я живу поблизости.

— В твоём доме двадцать километров отсюда.

— Для самолёта близко.

Она хотела рассердиться, но взяла стакан. Даниэль не спросил, как прошёл день, пока Лея сама не начала рассказывать. Он слушал про бельё, инспектора и голубя с таким вниманием, какого раньше удостаивал только сделки.

— Ты гордишься мной? — неожиданно спросила она.

— Очень.

— За то, что я разнесла полотенца?

— За то, что пришла завтра раньше, хотя сегодня ещё не закончилось.

Лея посмотрела вниз. Работники курили у служебного входа, поезда входили под стеклянный купол вокзала. Мир не аплодировал её усилиям. Никто не печатал фотографии женщины, научившейся проверять мини-бар.

Поэтому это было настоящим.

Даниэль протянул руку, но не коснулся.

— Можно?

Через три месяца Лея получила первую зарплату, заработанную без имени мужчины. Сумма была меньше цены её прежних туфель, но банковское уведомление она перечитала десять раз.

Даниэль предложил ресторан. Лея купила продукты и

приготовила суп для Марты, соседки-швеи. Он оказался почти хорошим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.